

И.Т. Никифоровский

Несколько слов относительно
взгляда проф. Н.О. Каптерева на
перстосложение древних киевлян,
сербов и греков

Опубликовано:

Христианское чтение. 1891. № 7-8. С. 110-140.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Нѣсколько словъ относительно взгляда проф. Н. Каптерева на перстосложеніе древнихъ кіевлянъ, сербовъ и грековъ.

Въ 1887 году на страницахъ „Православнаго Обозрѣнія“ (№№ 1, 2, 4 и 12) появилась вступительная часть изслѣдованія профессора московской духовной академіи, Н. Каптерева: „Патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ и его противники“. Въ томъ же году введеніе это вышло и отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Выпускъ первый. Время патріаршества Іосифа“. Чуткіе ко всему, что печатается у насъ о расколѣ, ревнители „древлаго благочестія“ къ статьѣ г. Каптерева отнеслись даже болѣе, чѣмъ чутко. Знакомые съ профессоромъ по его прежнему, не неблагопріятному для старообрядчества, сочиненію: „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст.“, раскольники были заинтересованы новымъ произведеніемъ г. Каптерева даже прежде выхода его въ свѣтъ¹⁾. А какъ приняли они это произведеніе, когда оно увидѣло наконецъ свѣтъ Божій, и разсказать трудно. Желаящій подробно узнать объ этомъ пусть обратится къ „Лѣтописи“ раскола въ „Братскомъ Словѣ“²⁾.

Говоря о „книжныхъ исправленіяхъ“ при патріархѣ Іосифѣ, г. Каптеревъ обращаетъ свое вниманіе на тѣхъ лицъ, которыя вели это дѣло, и доказываетъ, что „книжными справщиками при (патр.) Іосифѣ никакъ не могли быть такія лица, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и другіе противники церковной реформы (патр.)

¹⁾ «Братское Слово», 1887 г., т. I, стр. 469.

²⁾ 1887 г. т. I, стр. 468—475; и мн. др.

Никона". Книжную справу въ патріаршество Іосифа, по мнѣнію г. Каптерева, вѣдали люди образованные, сознававшіе нужду исправленія книгъ по греческому тексту, признававшіе полезность научнаго образованія и особенно безусловную необходимость его для книжныхъ справщиковъ,—словомъ, такіе люди, которые не могли испортить печатаемыя ими книги. Откуда же въ такомъ случаѣ „всеми признаваемая порча нашихъ церковныхъ книгъ при патріархѣ Іосифѣ"? Обычный взглядъ на эту порчу, отвѣчаетъ г. Каптеревъ, страдаетъ сильнымъ преувеличеніемъ. „Какъ несправедливо мнѣніе, чтобы книжными справщиками при патріархѣ Іосифѣ были извѣстные противники церковной реформы Никона, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе, такъ рѣшительно несправедливо и то мнѣніе, будто бы наши церковныя книги при патріархѣ Іосифѣ подверглись особой порчѣ и искаженію вслѣдствіе невѣжества іосифовскихъ книжныхъ справщиковъ. Главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ для обвиненія книжныхъ іосифовскихъ справщиковъ въ невѣжество, порчѣ и искаженіи ими нашихъ книгъ служитъ то обстоятельство, что только при патріархѣ Іосифѣ въ наши печатныя церковныя книги внесены были въ первый разъ извѣстныя старообрядческія особенности—ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, двоеніе аллилуіи и пр. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли книжные справщики временъ патріарха Іосифа должны нести всю вину и всю отвѣтственность за внесеніе ими въ наши церковныя книги извѣстныхъ такъ называемыхъ старообрядческихъ особенностей, или для того времени эти особенности вовсе не были тѣмъ, чѣмъ онѣ стали послѣ церковной реформы Никона? Въ видахъ болѣе правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія вопроса возьмемъ важнѣйшую статью — ученіе о двоеперстіи и посмотримъ, откуда и какъ взялся этотъ обычай, чтобы видѣть, насколько правы были или нѣтъ іосифовскіе справщики, внося это ученіе въ наши печатныя церковныя книги" ³⁾. Отвѣчая на поставленный вопросъ, г. Каптеревъ пишетъ цѣлое изслѣдованіе ⁴⁾. Съ край-

³⁾ «Патріархъ Никонъ и его противники»... Стр. 51—58. Цитируемъ отдѣльное изданіе, на которое будемъ ссылаться и далѣе.

⁴⁾ Стр. 58—91.

нею рѣзкостью отзываясь о православныхъ полемистахъ съ расколомъ⁵⁾, онъ доказываетъ, что „господствующую и преобладающую формою перстосложенія въ московской Руси было двоеперстіе“, что „тоже самое было и въ кievской Руси до Петра Могилы“; что „двоеперстіе существовало у сербовъ, существовало въ извѣстное время, какъ господствующій обычай, и въ самой константинопольской церкви, которая и передала его русскимъ при ихъ обращеніи въ христiанство“⁶⁾. Эти-то доказательства г. Кантерева и привлекли къ его сочиненію восторженное вниманіе раскольниковъ. „Свидѣтельство отъ врагъ совершеннѣйше бываетъ“, говорили въ старину русскіе люди. Тоже повторяютъ и нынѣшніе раскольники. И вотъ они видятъ, что „никоніанинъ“, профессоръ духовной академіи выступаетъ въ качествѣ обличителя противораскольниковыхъ полемистовъ и въ качествѣ защитника двуперстія, этого величайшаго „догмата“ раскола... Въ 1888 году произведеніе г. Кантерева было утилизировано раскольниками и особеннымъ образомъ. Извѣстный апологетъ „австрійской іерархіи“, Онисимъ Васильевъ Швецовъ, нынѣ „древлеправославная церковь священноинокъ Арсеній“, при посредствѣ типографскаго станка подарилъ въ томъ году старообрядческій міръ своимъ сочиненіемъ: „Показаніе всеобдержности двуперстнаго сложенія въ древней православной церкви и погрѣшностей противу святаго Евангелія въ новообрядствующей грекороссійской церкви“ [„Яссы (?), 1888, типографія Б. Н. П...къ“]. Сказавъ въ „Предисловіи“, что „происхожденіе двуперстія грекороссійская церковь хотя приурочивала и ко многимъ еретикамъ и въ немъ находила богохульное образованіе, но наконецъ принимаетъ его уже и въ свое сообщество, а нѣкоторые изъ ея послѣдователей и происхожденіе оному признаютъ уже не изъ общества какихъ либо еретиковъ, но отъ глубокой древности святой православной вселенской церкви“, — сказавъ это въ „Предисловіи“, Швецовъ въ самомъ сочиненіи („глава первая:

⁵⁾ См. по этому поводу «Бр. Слово», 1887 г., т. I. 470—471; т. II, 599—601.

⁶⁾ Оглавленіе, стр. II.

показаніе, что двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія и благословенія есть апостольское преданіе во святей церкви, и благочестно изобразуетъ символъ православной вѣры“⁷⁾ пишетъ: „Къ большей побѣдѣ послѣднихъ надъ первыми (т. е. старообрядцевъ надъ православными) о всеобдержномъ церковномъ содержаніи въ древности двоеперстія пишутъ и изъ новообращающихся ученыхъ-мужей: изъ грековъ составители книги Пидалионъ (Кормчей)...., а изъ русскихъ Филаретъ, епископъ рижскій, въ Читаніи московскаго общества исторіи и древностей за 1847 г. № 7, и профессоръ московской духовной академіи Каптеревъ въ статьѣ: Патріархъ Никонъ и его противники. Послѣдній, опровергая тѣхъ, которые говорятъ, (что) якобы московское невѣжество временъ патріарха Іосифа изобрѣло двоеперстіе, широко проводитъ историческую черту о существованіи въ древней церкви двоеперстія. Онъ на вопросъ: какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ господствующій, признаваемый всею церковію, обычай? говорить“⁸⁾... и т. д. — слѣдуютъ обширныя, буквальные выписки изъ книги г. Каптерева⁹⁾, которыя заканчиваются такимъ замѣчаніемъ: „И такъ, если и не содержатели двоеперстія, но сообщники измѣнникамъ онаго, даютъ такое о немъ свидѣтельство, то за древнюю церковную всеобдержность двоеперстія не остается никакой тѣни сомнѣнія. Ибо когда не свои, а чужіе со стороны враговъ, свидѣлствуютъ о истинѣ, то свидѣтельства ихъ достоинѣйшія суть“⁹⁾...

Книга Шведова получила широкую распространенность среди раскольниковъ, особенно австрійскаго согласія. Еще болѣею распространенность приобрѣло подлинное сочиненіе г. Каптерева. Мы имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что даже въ провинціальной глуши, въ далекихъ деревушкахъ, православнымъ миссіонерамъ часто и очень часто приходится наталкиваться на такого рода сцены. Начинается бесѣда. Послѣ предварительныхъ замѣчаній миссіонеръ

⁷⁾ Стр. 6—7.

⁸⁾ «Показаніе» Шведова, стр. 7—25=58—61, 64—66, 68—71, 76—77, 80, 82—83, 85—86 стр. сочиненія г. Каптерева.

⁹⁾ Стр. 25.

предлагаетъ раскольникамъ защищать „свое состояніе“. И вотъ къ столу пробирается какой-нибудь раскольнической грамотѣй. Съ торжествомъ потрясая засаленнымъ №-омъ „Православнаго Обозрѣнія“, или читаннымъ-зачитаннымъ произведеніемъ г. Каптерева, онъ заявляетъ съ апломбомъ: „Что намъ, отецъ, много толковать съ тобою! Почитай-ка, что пишутъ о древнемъ благочестіи умные люди изъ васъ же самихъ“!... О заправскихъ старообрядческихъ начетчикахъ и говорить нечего.

Эти обстоятельства и вызвали насъ на усиленную оцѣнку сужденій г. Каптерева.

Въ 1887 году въ „Братскомъ Словѣ“ проф. Субботинымъ начатъ разборъ изслѣдованія г. Каптерева о двуперстіи и проанализировано все то, что сказано послѣднимъ о перстосложеніи въ Московской Руси ¹⁰⁾. Оставляя поэтому эту часть изложенія г. Каптерева въ сторонѣ, мы прямо приступимъ къ разсмотрѣнію его мнѣній о двуперстіи у древнихъ кіевлянъ, сербовъ и грековъ, тѣхъ мнѣній, которыя у г. Субботина, за прекращеніемъ его статей о книгѣ г. Каптерева, остались совѣтъ не разобранными, а у преосв. Никанора въ его „Бесѣдѣ о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія“ („Странникъ“, 1888—1890 гг. и отд. издан. Спб. 1890 г.), написанной по поводу сочиненія г. Каптерева, разсмотрѣны только мимоходомъ. Замѣтимъ предварительно, что мы не будемъ вести рѣчь вообще о личныхъ взглядахъ г. Каптерева на перстосложеніе кіевлянъ, сербовъ и грековъ, не будемъ говорить вообще о томъ, что думаетъ онъ объ этомъ предметѣ. Отчасти въ основномъ своемъ сочиненіи, а главнымъ образомъ въ своей замѣткѣ: „Оправданіе на несправедливыя обвиненія“ („Православное Обозрѣніе“, 1888 г., ч. II, стр. 693—728; ч. III, стр. 71—116), представляющей изъ себя отвѣтъ на статьи г. Субботина, г. Каптеревъ сказалъ не мало и такихъ словъ, которыя въ значительной мѣрѣ противорѣчатъ его сужденіямъ, восхищающимъ раскольниковъ и смущающимъ многихъ не раскольниковъ. Наша

¹⁰⁾ «Бр. Сл.» 1887 г., т. II, стр. 598—612, 693—715, 764—793; 1888 г., т. I, стр. 338—369.

рѣчь будетъ только о неосторожныхъ, рѣзкихъ сужденіяхъ профессора,—тѣхъ сужденіяхъ, которыя, быть можетъ и помимо желанія ихъ автора, обратились въ камень преткновенія для многихъ.

Двуперстіе, пишетъ г. Каптеревъ, „не было принадлежностью“ одной московской Руси. Что это такъ, „на это мы имѣемъ примы и рѣшительныя доказательства. По указаніямъ нашихъ библіографовъ въ Кіевѣ въ 1584 году было напечатано небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Максима инока, како подобаетъ знаменоватися крестнымъ знаменіемъ“. Въ дѣйствительности это не есть слово Максима о крестномъ знаменіи, но произведеніе неизвѣстнаго автора, хотя въ немъ самое ученіе о перстосложеніи изложено согласно съ Максимомъ, именно“—здѣсь проповѣдуется двуперстіе. „Въ 1596 году въ Вильнѣ была напечатана Лаврентіемъ Зизаніемъ Азбука, въ приложеніи которой помѣщено было сочиненіе его брата Стефана Зизанія подъ заглавіемъ: „Изложеніе о православной вѣрѣ“. Въ концѣ этого изложенія вѣры находится особая статья „о знаменіи крестномъ“, въ которой заключается“—ученіе о двуперстіи... „Въ 1602 году въ Вильнѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Вожеіи и о хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артыкулѣхъ вѣры, единое правдивое церкви Христовы“. Въ этой книгѣ, въ пятой главѣ“—повелѣвается для крестнаго знаменія слагать персты двуперстно... „Около двадцатыхъ или въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Кіевѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „Книга о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви“, во второй части которой, въ статьѣ „о знаменіи крестномъ“—рѣчь идетъ о двуперстіи... „Не только въ печатныхъ книгахъ, но и въ разныхъ южно-русскихъ рукописныхъ сборникахъ, гдѣ только говорится о крестномъ знаменіи, всегда содержится ученіе о двоеперстіи. Такъ оно находится въ тѣхъ многочисленныхъ сборникахъ, которые извѣстны подъ именемъ Литовскихъ Просвѣтителей, оно содержится и въ той рукописной южно-русской книгѣ о Вѣрѣ, сочиненіи кіевского михайловскаго игумена Наонаила, которая въ простомъ до-

словномъ переложеніи была потомъ напечатана въ Москвѣ въ 1648 году“. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? Слѣдуетъ то, утверждаетъ г. Каптеревъ, что „двоперстіе признавали правымъ, открыто его проповѣдывали и въ первый разъ внесли его въ свои печатныя книги южно-русскіе ученые, уже по примѣру которыхъ и іосифовскіе книжные справщики внесли ученіе о двоперстіи въ московскія печатныя книги, заимствовавъ у кievлянъ и самую редакцію въ изложеніи этого ученія“. Слѣдуетъ то, что „и кievская Русь также, какъ и московская, держалась до половины XVII вѣка того же двоенерстія“. Слѣдуетъ то, что „двоенерстіе существовало въ древней Руси, какъ общій обычай, еще до раздѣленія митрополій, съ самаго начала введенія у насъ христіанства, а потомъ въ качествѣ древняго и всѣми признаннаго обычая, оно удержалось и на сѣверѣ и на югѣ и послѣ раздѣленія митрополій, вплоть до самой половины XVII вѣка, когда сначала въ кievской Руси (при Могилѣ), а потомъ и въ московской (при Никонѣ) произведена была однородная церковная реформа“¹¹⁾. Итакъ, выдвинутыя г. Каптеревымъ свидѣтельства приводятъ, по его мнѣнію, къ той мысли, что двуперстіе, появившись въ кievской Руси одновременно съ введеніемъ у насъ христіанства, существовало здѣсь и до раздѣленія митрополій и послѣ раздѣленія до самой половины XVII вѣка, существовало въ качествѣ обычая всѣми признаннаго, всеобщаго, такого, котораго держалась вся кievская Русь.

Приведенныя г. Каптеревымъ свидѣтельства обнимаютъ время съ конца XVI до сороковыхъ годовъ XVII стол.; самое древнее изъ нихъ относится приблизительно къ 1584 году. Но можно ли на почвѣ этихъ свидѣтельствъ строить выводы даже о томъ, какого перстосложенія держалась кievская Русь въ первое время послѣ раздѣленія митрополій, т. е. болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до 1584 г. (съ 1461 года до изданія слова „Максима инока“)? А г. Каптеревъ, отправляясь отъ своихъ посылокъ - свидѣтельствъ, ведетъ такую рѣчь: „двоенерстіе существовало въ древней Руси, какъ общій обычай, еще до раздѣленія митрополій, съ самаго начала введенія

¹¹⁾ Стр. 64—67.

у насъ христіанства“. Факты XVI, конца XVI, и XVII в.в. обращаются у г. Каптерева въ посылку для категорическаго сужденія о временахъ X вѣка!.. Въ довольно многихъ сочиненіяхъ южно-русскихъ писателей XVII в. можно находить мысли, близкія къ латинству и протестантству ¹²⁾. Что сказалъ бы г. Каптеревъ, если бы мы, перечисливъ подобныя книги, заявили: „кіевскіе ученые XVII в. проводили въ своихъ сочиненіяхъ не строго православныя идеи; очевидно, что латинскія и протестантскія лжеученія появлялись на нашей почвѣ еще до раздѣленія митрополій, съ самаго начала введенія у насъ христіанства?“ Не назвалъ ли бы онъ подобное заявленіе по меньшей мѣрѣ крайне поспѣшнымъ? А чѣмъ же основательнѣе его завѣреніе о двуперстіи „съ самаго начала введенія у насъ христіанства?“

Г. Каптеревъ, кажется, и самъ сознаетъ неустойчивость свое постройкы и потому старается подкрѣпить ее такого рода соображеніемъ. „Кіевская Русь въ церковномъ отношеніи, съ первыхъ временъ введенія у насъ христіанства до конца второй половины XVII вѣка, всегда находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, подъ его высшимъ вѣдѣніемъ и водительствомъ... При такихъ условіяхъ въ южно-русской церкви никакъ не могло появиться, а тѣмъ болѣе такъ долго существовать двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, еслибы оно дѣйствительно было только позднѣйшимъ новоизмышленнымъ искаженіемъ единственно правой и единственно древней формы перстосложенія—троеперстной. Если же греки, сами уже употреблявшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ троеперстіе, оставляли однако у кіевлянъ двоеперстіе, то это показываетъ, что они видѣли въ русскомъ двоеперстіи древній, прочно установившійся и потому привычный для народа обычай и притомъ такой, въ которомъ они, греки, не находили ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ“ ¹³⁾. Если расче-

¹²⁾ Н. Скабалановичъ, «Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета». Спб. 1873 г., стр. 12—13 и др. С. Голубевъ, «Библиографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ пер.-славянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI и XVII столѣт.: «Труды Кіевской Дух. Акад.» 1876, т. I, стр. 133 и др.

¹³⁾ Стр. 67—68.

нить эту слитную рѣчь г. Каптерева, то соображеніе его нужно формулировать такимъ образомъ: если бы греки, подъ высшимъ вѣдѣніемъ и водительствою которыхъ находилась кievская Русь до конца XVII ст., считали: а) троеперстіе единственно правой и единственно древней формою перстосложенія, б) двуперстіе же обрядомъ новымъ и неправымъ, то они не допустили бы двуперстію проникнуть въ южно-русскую церковь; двуперстіе „долго“ (?) существовало въ Малороссіи; слѣдовательно, взглядъ грековъ на троеперстіе и двуперстіе былъ иной, и значить двуперстіе (и на дѣлѣ) явилось въ кievской Руси не какъ искаженіе сложенія троеперстнаго: оно существовало здѣсь, какъ обычай „древній, прочно установившійся и потому привычный для народа“.

Мы затрудняемся перечислить всѣ логическіе и фактическіе промахи, которыми переполненъ этотъ силлогизмъ.

1) Если бы греки считали неудобнымъ „оставлять“ у кievлянъ двуперстіе, они не „оставляли“ бы его здѣсь; греки „оставляли“ у кievлянъ двуперстіе; значить, они видѣли въ немъ обычай „древній, прочно установившійся“ и т. д. Въ 1596 году Стефаномъ Зизаніемъ издано было въ Вильнѣ толкованіе на 15 огласительное слово св. Кирилла іерусалимскаго. Въ этомъ толкованіи между прочимъ сказано: „О похоженіи Духа Святаго всѣ святѣи держалися, и на соборѣ первомъ Ниценскомъ, и второмъ Константинопольскомъ вселенскомъ у признаніи вѣри такъ положили. А на третьемъ соборѣ вселенскомъ во Ефесѣ, гдѣ Келестина папу Римскаго проклинали“¹⁴⁾ и т. д. „Кievская Русь въ церковномъ отношеніи, съ первыхъ временъ введенія у насъ христіанства до конца второй половины XVII вѣка, всегда находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. При такихъ условіяхъ въ южно-русской церкви никакъ не могло появиться“ мнѣніе о папѣ римскомъ Целестинѣ, какъ объ еретикѣ, если бы это мнѣніе представлялось грекамъ неразумнымъ. Разсуждая такъ, какъ разсуждаетъ г. Каптеревъ, мы должны признать, что въ XVI в. извѣстнаго

¹⁴⁾ Свящ. І. Виноградовъ, — «О Феодоровомъ словѣ». Москва, 1866 г., стр. 114, 113.

защитника православія (противъ Несторія), римскаго первосвященителя Целестина, признаннаго церковію святымъ (память его 8 апрѣля), іерархи греческой церкви готовы были считать еретикомъ.—Около 1602 г., по всей вѣроятности въ Вильнѣ, была напечатана книга подъ заглавіемъ: „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей“... Въ сочиненіи этомъ—книги: Іисуса Сирахова, Товита и Маккавейскія выставлены, какъ книги каноническія ¹⁵⁾... Итакъ? Итакъ, долженъ сказать г. Каптеревъ, если захочетъ остаться вѣренъ себѣ, греки „оставляли“ у кievлянъ мнѣніе о неканоническихъ книгахъ, какъ книгахъ каноническихъ потому, что не находили въ этомъ мнѣніи „ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ“. Вотъ до чего придется договориться, если практиковать такіе способы доказательствъ, какіе употребляетъ г. Каптеревъ!

Греки не „оставляли“ у кievлянъ ничего такого, что не считали нужнымъ оставлять. Почему же такъ должны мы думать? Потому, что „кievская Русь въ церковномъ отношеніи“... и т. д.? Но что же слѣдуетъ изъ всего этого? Слѣдуетъ ли отсюда то, что греки считали нужнымъ налагать свою руку на все, въ чемъ южно-руссѣ въ церковномъ отношеніи разнились отъ грековъ? Слѣдуетъ ли отсюда то, что греки знали всѣ особенности церковной жизни Южной Руси, особенности не только церковно-бытовныя, но и церковно-литературныя? Слѣдуетъ ли отсюда и то, что греки имѣли фактическую возможность не оставлять у кievлянъ того, что они считали подлежащимъ изъятію?

2) Если бы греки считали троеперстіе „единолично правой и единственно древней формой перстосложенія“, то они бы не допустили двуперстія въ южную Русь... Что греки могли допустить двуперстіе въ кievскую Русь только въ томъ случаѣ, если бы у нихъ не было взгляда на троеперстіе, какъ на перстосложеніе единственно правильное, это понятно: разъ всякое другое перстосложеніе кромѣ троеперстнаго

¹⁵⁾ Свящ. Виноградовъ,—*ibid.*, стр. 155. См. въ этомъ сочиненіи и другіе примѣры веправославныхъ сужденій южнорусскихъ писателей XVI—XVII вв.

представлялось бы грекамъ перстосложеніемъ не правымъ, разрѣшать употребленіе его греки, конечно, не нашли бы возможнымъ. Но почему же, допуская двуперстіе, греки необходимо должны были смотрѣть на троеперстіе, какъ на форму перстосложенія не только не единственно правую, но и не единственно древнюю? Почему выдвигая соображенія, такъ сказать, догматическія, они непременно должны были выставить въ данномъ случаѣ и справки историко-археологическія? По словамъ самого г. Каптерева, двуперстіе есть „позднѣйшая форма перстосложенія по отношенію къ древнѣйшей—одноперстію“: „въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ“¹⁶⁾. Что же? Греки ввели у себя двуперстіе потому, что не считали одноперстіе обрядомъ „единственно древнимъ“,—потому, что „въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи“... не одноперстно только? Ужели въ самомъ дѣлѣ г. Каптеревъ думаетъ, что обрядъ въ церковное употребленіе можетъ войти только тогда, когда, такъ сказать, на дорогѣ ему не стоитъ другой „единственно древній“ обрядъ? По извѣстнымъ причинамъ и въ извѣстное время въ церкви греческой началъ утверждаться обычай преподавать мірянамъ Тѣло и Кровь Христову вмѣстѣ, при помощи лжицы. Вѣдь не думаетъ же г. Каптеревъ, что греки допустили этотъ обычай потому, что на прежній обычай — причащаться отдѣльно Тѣла Христова и отдѣльно Крови Христовой — они смотрѣли, какъ на обычай не „единственно древній“. Почему же въ такомъ случаѣ г. Каптеревъ проводитъ такую мысль относительно перстосложенія? Мы не хотимъ говорить, что греки XVI—XVII вв. непременно относились къ троеперстію, какъ къ перстосложенію единственно древнему. Очень можетъ быть, что и они представляли дѣло такъ, какъ представляютъ его нынѣшніе изслѣдователи древностей (въ томъ числѣ и православные полемисты). Очень можетъ быть, что и они читали и слышали о древнемъ одноперстіи. Мы хотимъ сказать, что положеніе г. Каптерева: если бы греки видѣли въ троеперстіи обрядъ единственно древній, то они не допустили бы

¹⁶⁾ Стр. 89, 86.

двуперстія, — произвольно. Греки XVI—XVII столѣтія могли видѣть въ троеперстіи обрядъ единственно древній (содержа троеперстіе сами и находя его у другихъ „народовъ христіанскихъ отъ Востока и до Запада“, содержа его давно, со временъ незапамятныхъ, греки могли и забыть о древнемъ одноперстіи) и тѣмъ не менѣе могли оставлять и двуперстіе, разъ они, греки, въ немъ не находили ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ.

3) Если бы греки видѣли въ двуперстіи обрядъ неправый и новый, то они не оставляли бы его у кіевлянъ... Безспорно, если бы греки могли оставлять или не оставлять у кіевлянъ то, что считали нужнымъ оставить или не оставить, они не потерпѣли бы здѣсь двуперстія, разъ оно представилось бы имъ обычаемъ предосудительнымъ или несогласнымъ съ истиннымъ православіемъ. Докажи, поэтому, намъ г. Каптеревъ то, что греки, сами уже употреблявшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ троеперстіе, оставляли однако у кіевлянъ двоеперстіе, и, ничтоже сумняся, повторили бы виѣстъ съ нимъ: значить, греки не считали двуперстіе обычаемъ неправымъ. Но почѣму же греки для того, чтобы оставлять у кіевлянъ двуперстіе, должны были видѣть въ последнемъ обрядѣ не только правый, но и непремѣнно древній? Почему они не могли отнестись благосклонно къ двуперстію потому одному, что не находили въ немъ „ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ?“ Почему въ данномъ случаѣ имъ необходимо нужно было ставить еще вопросъ о древности двуперстія? Быть можетъ, греки, вѣдавшіе въ XVI—XVII вв. кіевскую Русь, были воспитаны на какихъ-либо особенныхъ представленіяхъ о церковныхъ обрядахъ? Г. Каптеревъ этого не говоритъ. Наоборотъ, онъ замѣчаетъ, что между греками, оказывавшими вліяніе на церковную жизнь южной Руси, были „люди ученые“¹⁷⁾. Или, быть можетъ, самый обычай, который подлежалъ суду грековъ, самое перстосложеніе для знаменія крестнаго требовало какихъ-нибудь необычныхъ, экстраординарныхъ отношеній къ себѣ? Г. Каптеревъ не

¹⁷⁾ Стр. 68.

говорить и этого. Напротивъ, излагая свой взглядъ на этотъ предметъ, взглядъ, тождественный, по его словамъ, съ взглядомъ церкви константинопольской въ половинѣ XVII в., г. Каптеревъ пишетъ: „придавать тому или другому перстосложенію въ крестномъ знаменіи значеніе догмата, характеръ неизмѣняемости, значить или вовсе не знать исторію перстосложенія, или завѣдомо исказать ее изъ неправильно-понятыхъ полемическихъ цѣлей“ ¹⁸⁾. Что же выходитъ теперь? Тѣ условія, которыя выдвигали въ XVI—XVII вв. греки, допуская въ кievской Руси двуперстіе, эти условія, по мнѣнію г. Каптерева, не представляли изъ себя ничего необычайнаго, были въ порядкѣ вещей. То, чего требовали греки отъ двуперстія, должны были требовать и всѣ іерархи церкви православной отъ всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Всякій обрядъ можетъ быть допущенъ въ церковную практику лишь въ томъ случаѣ, если церковь не только не находитъ въ немъ ничего неправославнаго, но и видитъ въ немъ древній, прочно-установившійся и потому привычный для народа обычай. Никакихъ повмешствъ церковная обрядность не знаетъ. И въ этой области— „аще кто приложитъ нѣкое, анаеема да будетъ!“ Вотъ общее положеніе, на которомъ зиждется аргументація г. Каптерева... Въ послѣднее время положенія этого начинаютъ избѣгать болѣе разсудительные изъ самихъ раскольниковъ. Вынужденные считаться съ несомнѣнными фактами, представляемыми домиконовскою стариною, они сознаются, что „приложенія“ были и во время „святой старожитности“, и только добавляютъ, что приложенія эти дѣлались тогда не въ осужденіе прежнихъ святыхъ Божіихъ и съ мыслями благочестивыми и праведными. Не думаемъ, чтобы положеніе это серьезно принималъ и самъ г. Каптеревъ. Во всякомъ случаѣ, проводя въ одномъ мѣстѣ данную мысль, въ другомъ онъ съ рѣшительностью заявляетъ: православной церкви „принадлежитъ право, какъ устанавливать и освящать своимъ употребленіемъ тѣ или другіе церковные обряды, такъ и производить въ существующихъ обрядахъ тѣ перемѣны, какія, по ея мнѣнію, необходимы по тре-

¹⁸⁾ Стр. 89—90; см. стр. 74—75.

быванію извѣстныхъ обстоятельствъ, въ видахъ огражденія и упроченія православія“¹⁹⁾). Не думаемъ, чтобы г. Кантеревъ серьезно принималъ указанное положеніе, и вотъ почему. Онъ пишетъ: „если двоеперстіе, какъ господствующая форма перстосложенія, и употреблялось въ православной церкви ранѣе троеперстного перстосложенія, то все-таки и само оно не было однако первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія, а позднѣйшею и видоизмѣненною изъ древнѣйшей—единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ“²⁰⁾). И въ другомъ мѣстѣ: „съ точки зрѣнія древности существованія обряда, и двоеперстіе... есть позднѣйшая форма перстосложенія по отношенію къ древнѣйшей — одноперстію“²¹⁾). Итакъ, православная церковь вмѣсто единоперстія въ свою практику ввела въ извѣстное время двуперстіе. Смотрѣла ли она при этомъ на двуперстіе, какъ на обрядъ древній? По словамъ самого же г. Кантерева,—нѣтъ. Двуперстіе явилось, какъ форма перстосложенія новая, видоизмѣненная изъ древнѣйшей — единоперстія. Съ теченіемъ времени православная греческая церковь „замѣнила у себя двоеперстіе болѣе естественнымъ и свойственнымъ всякому христіанину троеперстіемъ“²²⁾). Припала ли она при этомъ во вниманіе древность троеперстія? По мнѣнію г. Кантерева, — не принимала. „Появленіе двоеперстія и продолжительность его существованія въ православной греческой церкви зависѣло исключительно отъ монофизитства, только во время борьбы съ нимъ имѣло свой смыслъ и значеніе. Какъ скоро борьба съ монофизитствомъ прекратилась, то и сама греческая константинопольская церковь, желая и самой формою перстосложенія въ крестномъ знаменіи отличаться не только отъ монофизитовъ—одноперстниковъ, но и отъ несторіанъ, строго державшихся двоеперстія, съ которымъ они соединяли свои еретическія представленія объ образѣ соединенія

¹⁹⁾ Стр. 90—91.

²⁰⁾ Стр. 86.

²¹⁾ Стр. 89 прим.

²²⁾ Стр. 89 прим.; ср. стр. 24.

двухъ природъ во Христѣ, замѣнила у себя двоеперстіе троеперстіемъ“ ²³).

Г. Кантеревъ, такимъ образомъ, самъ указываетъ два факта, которые являются въ качествѣ отрицательныхъ инстанцій противъ общаго его положенія. Мало этого. Онъ указываетъ факты безусловно-аналогичные съ тѣмъ частнымъ фактомъ, по поводу котораго идетъ вся наша рѣчь,—съ фактомъ „оставленія“ греками у кievлянъ двуперстія, и такимъ образомъ даетъ намъ послылки для такого вывода. Замѣняя одноперстіе двуперстіемъ, греческая церковь не смотрѣла на послѣднее, какъ на обрядъ древній,—наоборотъ, видѣла въ немъ обычай новыи; вводя вмѣсто двуперстія троеперстіе, греческая церковь опять таки не задавалась вопросомъ о древности вводимаго обряда; значить, заключаемъ мы по аналогіи, и въ томъ случаѣ, когда греки „оставляли“ у кievлянъ двуперстіе, они поступали такъ вовсе не потому, что находили двуперстіе обычаемъ древнимъ, или, по меньшей мѣрѣ, поступали такъ не непременно потому, что видѣли въ двуперстіи обрядъ „прочно установившійся и потому привычный для народа“. Мало и этого. Доказывая, что греки ничего не возражали противъ кievскаго двуперстія потому, что видѣли въ немъ обычай не только правый, но и старыи, доказывая, что по этимъ же причинамъ греки не вооружались и противъ русскаго двуперстія, г. Кантеревъ пишетъ: Константинопольскій патріархъ Паисій, въ отвѣтъ на вопросъ патріарха Никона относительно перстосложенія въ іерейскомъ благословеніи, отъ имени константинопольскаго собора, „прямо и рѣшительно говоритъ, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіи, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное, и тѣмъ ясно даетъ понять, что константинопольская церковь, отъ лица которой говоритъ патріархъ, сущность дѣла полагаетъ здѣсь не въ томъ или иномъ перстосложеніи, а въ самой мысли, выражаемой имъ, такъ что, если человекъ держитъ правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какъ онъ и какіе именно персты слагаетъ. Само собою понятно, что если

²³, *ibid.*

относительно важнѣйшаго архіерейскаго или іерейскаго благословенія вполнѣ допустима свобода того или другого перстосложенія, то тѣмъ болѣе конечно эта свобода допустима относительно обычнаго знаменованія себя крестомъ каждымъ христіаниномъ, лишь бы только мысль, выражаемая тѣмъ или другимъ перстосложеніемъ, была строго православна. Вотъ точка зрѣнія православной константинопольской церкви на то или другое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и въ архіерейскомъ благословеніи, официально выраженная въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Никону. Этихъ вполнѣ объясняется то явленіе, что константинопольская церковь, сама употребляя въ послѣднее время исключительно троеперстіе, въ то же время допускала существованіе двоеперстія и въ московской и въ кіевской Руси и у сербовъ, и вовсе не предпринимала какихъ-либо мѣръ для замѣны его у нихъ троеперстіемъ, такъ какъ знала, что съ двоеперстіемъ русскіе и сербы соединяли ту же самую православную мысль, что и греки съ троеперстіемъ²⁴⁾. Послѣ такого заявленія со стороны самого г. Каптерева, конечно, совершенно излишне продолжать дальнѣйшій разборъ его „соображенія“. Самъ авторъ подрываетъ его въ корнѣ.

Собранія въ книгѣ г. Каптерева свидѣтельства о двуперстіи въ кіевской Руси все относятся къ позднему времени, къ концу XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ, и потому ни коимъ образомъ не могутъ быть трактуемы, какъ прямые и рѣшительныя доказательства защищаемаго г. Каптеревымъ мнѣнія. О томъ, какое перстосложеніе существовало въ южной Руси съ самаго начала введенія у насъ христіанства, о томъ, какое перстосложеніе держалось здѣсь и до раздѣленія митрополій, и послѣ раздѣленія митрополій вплоть до восьмидесятихъ годовъ XVI вѣка, они не говорятъ и говорить не могутъ, касаясь только конца XVI и первой половины XVII вѣковъ. Но и относительно этого времени они представляютъ данія далеко не рѣшающаго значенія. Было уже упомянуто о томъ, что нѣкоторые южно-русскіе сочиненія XVII вѣка по мѣстамъ не свободны отъ идей, отдающихъ латинствомъ и про-

²⁴⁾ Стр. 74—75.

тестантствомъ. Скажетъ ли г. Каптеревъ, которому эти сочиненія извѣстны, конечно, лучше, чѣмъ намъ, — что южно-русская церковь XVII вѣка повинна въ неправильныхъ мысляхъ? Ужели обученіи церкви онъ станетъ судить по отрывочнымъ словамъ тѣхъ или другихъ частныхъ писателей? Равнымъ образомъ, можно ли допустить, что приведенныя г. Каптеревымъ свидѣтельства, заимствованныя изъ печатныхъ и рукописныхъ южно-русскихъ книгъ, говорятъ о двуперстіи, какъ „общемъ“, „всеми признанномъ“ обычаѣ южной Руси конца XVI и первой половины XVII вѣковъ? Почему мы должны отказаться отъ болѣе естественной мысли, которую мимоходомъ высказываетъ и самъ г. Каптеревъ, что эти свидѣтельства указываютъ на то, что двуперстіе „проповѣдовали“ въ своихъ печатныхъ книгахъ отдѣльные южно-русскіе ученые ²⁶⁾, что двуперстіе пользовалось правомъ гражданства въ литературѣ, что это было литературное мнѣніе, и только всего? Вспомнимъ аналогичный, а потому и безусловно полновѣсный, случай изъ исторіи московской Руси первой половины XVII столѣтія. Свидѣтельствъ „о существованіи“ здѣсь двуперстія въ это время можно указать и указано г. Каптеревымъ даже больше, чѣмъ относительно кievской Руси. И однакожь, какой безпристрастный историкъ рѣшится, на основаніи ихъ, утверждать, будто общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе въ крестномъ знаменіи здѣсь было двуперстіе? Какой историкъ не придастъ всего подобающаго значенія тому обстоятельству, что и шведъ Петрей ²⁷⁾, и голштинецъ Олеарій ²⁸⁾, и патріархъ Никонъ ²⁹⁾, и цѣлый великій московскій соборъ 1667 года ³⁰⁾, и

²⁶⁾ Стр. 67.

²⁷⁾ «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей російскихъ», 1867 г., II, отд. IV, стр. 401—402. Сп. Пр. Никанора, — «О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія». Спб. 1890, стр. 292—302. (цитуюмъ и будемъ цитовать отдѣльное изданіе).

²⁸⁾ «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. рос.» 1868 г., III. (гл. 26), стр. 330. Сп. Пр. Никанора, — «О перстосложеніи», стр. 302—304.

²⁹⁾ «Слово Отвѣщательное» въ приложеніи къ Скрижали, 2 л. и 14 об.

³⁰⁾ «Дѣянія» собора, л. 11 об. (Изд. Братства Св. Петра митрополита, М. 1881 г., л. 6). Ср. «Дѣянія» собора 1666 года, л. 50 (Изд. Братства св. Петра митр. л. 42).

авторъ „Жезла Правленія“ ³¹⁾, и русскій престолюдинъ Посошковъ ³²⁾, и митрополитъ сибирскій Игнатій ³³⁾, и авторъ „Сказанія о миссіонерскихъ трудахъ Птириима, архіепископа нижегородскаго“ ³⁴⁾, и многіе другіе писатели ³⁵⁾ согласно свидѣлствуютъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка въ московской Руси некнижные люди, которые не знали „Өводоритова“ писанія, крестились троеперстно? Несомнѣнно, что московскіе грамотѣи первой половины XVII вѣка увлекались двуперстіемъ, что московская письменность пропагандировала это перстосложеніе. Но не менѣе несомнѣнно и то, что на ряду съ ревнителями двуперстія въ московской Руси были и послѣдователи троеперстія, что простой некнижный народъ держался неизмѣнно „издревняго обычая“ знаменоваться тремя первыми перстами. Такъ было въ Руси московской. Такъ, даже болѣе чѣмъ такъ, должно было быть и въ Руси кіевской.

Въ Москвѣ, при исправленіи богослужебныхъ книгъ, фанатики-грамотѣи произвели цѣлый бунтъ изъ-за двуперстія (и другихъ своихъ литературныхъ преданій). Въ кіевской Руси изданіе при Петрѣ Могилѣ „новыхъ“ книгъ, содержащихъ ученіе о троеперстіи, не вызвало и тѣни волненій. Не ясный ли это знакъ, что здѣсь двуперстіе не было даже настолько распространеннымъ перстосложеніемъ, насколько было распространено оно въ Руси московской? Иначе, какъ же южноруссы безъ протеста оставили бы посягательство на „общепринятое“, „исконное“ у нихъ двуперстіе? Вѣдь „они же“, скажемъ словами приснопамятнаго архіепископа одесскаго Никанора, „въ продолженіи вѣковъ, какъ и въ эту самую эпоху, лили кровь свою за свою старую вѣру противъ польщизны, за свои старые благочестивые обряды противъ уніи. Какъ же это могло произойти, что ни одна душа даже рта не раскрыла, когда Петръ

³¹⁾ Л. 57 об.

³²⁾ «Зеркало», изд. 1863 г., ч. 2, стр. 216—218. Сл. Пр. Никанора, — «О перстосложеніи», стр. 311—329.

³³⁾ «Посланія блаженнаго Игнатія, митрополита сибирскаго». Изд. «Православнаго Собесѣдника», стр. 96.

³⁴⁾ Изд. Н. И. Субботина, Москва, 1889 г. Сл. Пр. Никанора, — «О перстосложеніи», стр. 329—333.

³⁵⁾ Сл. Пр. Никанора, — «О перстосложеніи», стр. 373 и слѣд.

Мои́ла съ единомышленниками отвергли яко бы общераспространенный старый обрядъ двуперстія, и тутъ же сряду ввели новоизмышленный обрядъ троеперстія? Или западно - руссамъ необычно было возставать противъ собственныхъ іерарховъ? Но возставали же они противъ своихъ же архіереевъ, принявшихъ унію. Противъ своихъ же родныхъ архіереевъ ратовали они, когда всѣмъ напряженіемъ народныхъ силъ отбивались отъ уніи выродожденіи цѣлыхъ вѣковъ. Какъ же могло произойти, что ни одинъ изъ православныхъ западно-русовъ не сказалъ ни единого слова противъ митрополита Петра Мои́лы? ³⁶⁾ Это во-первыхъ. Извѣстно, затѣмъ, что большою московскій соборъ 1667 г., на которомъ присутствовали святители южно-рускіе, повелѣвъ „знаменіе честнаго и животворящаго Креста творити на себѣ тремя первыми персты десныя руки“, между прочимъ, изрекъ: „Тако имуть вси народи христіанстїи, мнози язъци, иже суть во православіи, отъ Востока и до Запада преданіе издревле“ ³⁷⁾. Если бы двуперстіе въ качествѣ всеобдержнаго обычая существовало въ кїевской Руси въ концѣ XVI—первой половинѣ XVII вѣковъ, если бы кїевскій народъ только при Петрѣ Мои́лѣ научился знаменію трехперстному, какъ бы представители этой церкви позволили себѣ торжественно объявить троеперстіе своимъ старымъ, „издревнимъ“ обычаемъ? Не доказываютъ ли, наоборотъ, рѣшительныя слова кїевскихъ іерарховъ, что двуперстіе, которое проповѣдовали нѣкоторые южно-рускія сочиненія, ни въ народъ, ни въ іерархію не проникло, что народъ и іерархія держались принятаго отъ предковъ древняго троеперстія? Это во-вторыхъ. Давно замѣчено, наконецъ, что и бѣлоруссы и малороссы никогда не обнаруживали и теперь не обнаруживаютъ ни малѣйшей склонности ни къ старообрядчеству вообще, ни къ двуперстію въ частности. Всѣмъ знакомымъ съ Бѣлоруссіей и Малороссіей хорошо извѣстно, что здѣсь, даже въ сосѣдствѣ съ цѣлыми поселеніями забѣглаго великорускаго раскола, никто не кре-

³⁶⁾ «О перстосложеніи», стр. 343.

³⁷⁾ «Дѣянія» собора, л. 11 об. (Изд. Братства Св. Петра митрополита, л. 6).

стится двумя перстами, а всѣ православные держатся троеперстія. На раскольниковъ всѣ глядятъ здѣсь дико, какъ на чужихъ. Раскольническое перстосложеніе между кореннымъ, не великорусскимъ, населеніемъ и въ Вѣлой и въ Малой Россіи явленіе неслыханное, небывалое³⁸⁾. О чемъ иномъ говорить это примѣчательное обстоятельство, какъ не о томъ, что книжныя рѣчи о двуперстіи въ юго-западной Руси народу были извѣстны еще менѣе, чѣмъ въ Руси московской?

Итакъ, на указанныя г. Кантеревымъ свидѣтельства мы можемъ и должны смотрѣть, какъ на отголосокъ литературнаго и только литературнаго мнѣнія кіевской Руси конца XVI и первой половины XVII вѣковъ. Но и къ этому литературному мнѣнію мы обязаны относиться съ крайней осмотрительностью и осторожностью, если только хотимъ „изслѣдовать спорные вопросы исторически, строго научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій“.

Преосвященный Никаноръ, рассматривая выдвинутыя г. Кантеревымъ южно-русскія книги, между прочимъ, замѣчаетъ, что во всѣхъ этихъ книгахъ мы читаемъ одну и ту же статью о крестномъ знаменіи, именно статью, которая впервые издана была въ кіевскомъ (1584) подложномъ словѣ якобы Максима инока³⁹⁾. Не согласиться съ мнѣніемъ автора нѣтъ никакой возможности.

Начнемъ съ Азбуки Лаврентія Зизанія (1596 г.). Содержащаяся здѣсь статья Стефана Зизанія „О знаменіи крестномъ“ (она помѣщена въ концѣ книги, послѣ „Изложенія о православной вѣрѣ“) несомнѣнно составлена на основаніи статьи „Максима инока, како подобаетъ знаменоваться крестнымъ знаменіемъ“. Вотъ обѣ эти статьи:

Слово «Максима инока».

«О знаменіи крестномъ» Стефана Зизанія.

...Знаменованіемъ честнаго креста все вкупѣ благовѣрія таинство

«Закмываетъ въ себѣ крестъ Христовъ всю таемницу благовѣрія на-

³⁸⁾ Подробно объ этомъ въ «Всѣхъ» Пр. Никанора «О перстосложеніи», стр. 344—346.

³⁹⁾ Стр. 336—337.

«Христ Чтеніе». № 7—8, 1891 г.

учить ны исповѣдывати таинствен-
нѣ, глаголю же самую святую
Троицу, еже съ небесе едиnorodна-
го на землю снитіе и распятіе Его
и еже съ небесъ второе Его при-
шествіе, егда хощетъ судити жи-
вымъ и мертвымъ...

Совокупленіемъ бо тріехъ пер-
стей, сирѣчь палца и еже отъ
средняго и малаго тайну исповѣ-
дуемъ богоначальныхъ тріехъ упо-
стасей Отца, Сына и Духа Святаго,
единого Бога трое. Протяженіемъ
же долгаго и средняго съшедшася
два естества во Христѣ, сирѣчь са-
маго Спаса Христа исповѣдуемъ
сѣвершена Бога и совершена чело-
вѣка въ двою существу и есте-
ству вѣруемаго и познаваемаго.

Положеніемъ же перстей на челѣ
исповѣдуемъ два нѣкая сія: яко
отъ Отца родися, якожь и наше
слово отъ души происходитъ, яко
свыше снзде...

А положеніемъ перстей еже на
пупе, снитіе Его еже на земли и
еже въ пречистой утробѣ Богома-
тери девятимѣсячное обитаніе яв-
ственнѣ возвѣщаютъ. А обвоженіемъ
еже оттуду всея руки на десную и
лѣвую страну, яснѣ образуетъ хо-
тящій изнестися горкій судъ онъ
отъ праведныхъ, стоящихъ одес-
ную Судіи, на стоящихъ ошую Судіи
нечестивыхъ и грѣшныхъ по
Спасову Божію гласу, глаголющу
къ противящимся и непокаяющимся
Іудеомъ: сего ради, рече, сіи

шого, учить вызнавати святую
Троицу, изъ неба едиnorodнаго
Сына Божіаго на землю снитіе и
распятіе Его и вознесеніе и засъ з
неба второй Его приходъ въ суд-
ный день.

Зложеніе великаго пальца з дво-
ма малыми значить святую Троицу,
а склоненіе того, што при вели-
комъ до среднего значить ѿ (т. е.
двѣ) *) прироженіи и истности въ
Христѣ.

Положеніе правой руки на чело
значить двое: предвѣчное отъ Бога
Отца Сыново рождество и то, еже
з высоты зышолъ.

А што на пупъ, значить: той же
Сынъ Божій зступилъ на землю, и
въчеловѣчился отъ панны чистой
святой Маріи, и з людьми жилъ,
распятъ, умеръ, въскресе въ тре-
тій день, и възнесся на небеса,
сѣдитъ одесную Отца. Але еще не
конецъ. А обвоженіе руки правой
первѣй на правое плечо, а потомъ
съ праваго на лѣвое, значить: иже
въ судный день справедливи на пра-
вици Бога будутъ стояти, а грѣш-
ныи на лѣвици и тое значить, иже
тогда справедливыи изнесутъ судъ

*) а не «въ», какъ читаетъ г. Каптеревъ.

вамъ будутъ суди́и, сирѣчь иже
отъ роду ихъ ведоміи божественіи
Его ученицы и апостоли 12 суще
числомъ двюнадесять колѣномъ из-
раилевомъ судять. Еже божествен-
ной апостолъ яснѣ насъ учитъ,
укоряя кориняны, тяжущихся другъ
на друга предъ судіями неправед-
ными, рекше невѣрными: Смыетъ
ли кто отъ васъ, глаголетъ, въ
иному (вещь) имый судитися отъ
неправедныхъ, а не отъ святыхъ;
не вѣсте ли, яко святіи міру хо-
тятъ судити; не вѣсте ли, яко и
ангеломъ судити хошимъ, а не то-
чю житейская; сирѣчь не человѣ-
комъ токмо судити имуть правед-
ніи нечествовавшимъ на Бога,
но и ангеломъ, не съхранившимъ
чинъ свой, но помыслиша проти-
витись всѣхъ Съдѣтелю и Владыцѣ
сінъ жь купно съ Есеоромъ, сирѣчь
деньницею разгорѣвшимся и анге-
ли, иже нынѣ именуеміи лугавіи
бѣси»... ⁴⁰⁾.

на грѣшныхъ. Правица Божовъ въ
судный день лѣвицу звѣла и не
лѣвица правицу. Нынѣ бо всѣмъ
лѣвица правицу преслѣдуетъ: а тог-
ды праведницы не только людей
грѣшныхъ, але и ангеловъ згрѣ-
шавшихъ осудятъ. Ищи въ Еван-
геліи отъ Матеея глава 19 и въ
Луцѣ, глава 22, и къ върине. 1
посланіе глава 6, Мудрость Съло-
мона, глава 3. ⁴¹⁾.

Послѣ Азбуки Зизанія г. Каптеревъ дѣлаетъ выдержку изъ
сочиненія, напечатаннаго, какъ полагають ⁴²⁾, въ Вильнѣ въ 1602

⁴⁰⁾ По экземпляру Императорской Публичной Библиотекы, № 1, 5, 40.

⁴¹⁾ По экземпляру Императорской Публичной библи. № 1, 7, 12. Очевидное сходство между этими статьями, особенно во второй ихъ половинѣ, и бесспорная зависимость второй статьи отъ статьи первой еще съ большею ясностью выступаютъ при сравненіи приведеннаго толкованія Стефана Зизанія съ его же собственнымъ толкованіемъ въ книжицѣ его: «Святаго Отца нашего Кирилла, патріарха Іерусалимскаго казанье на осмый артикулъ вызнанія вѣры»,—въ книжицѣ, напечатанной въ томъ-же 1596 г.: въ этой книжицѣ Зизаній «положеніе» и «обвоженіе» руки въ крестномъ знаменіи въясняютъ уже совсѣмъ иначе. См. соч. о. Виноградова, — «О Θεодоритовомъ словѣ», стр. 114—118.

⁴²⁾ Дм. Цвѣтаевъ, — «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій». Москва, 1890 г., стр. 611.

году, и озаглавленнаго: „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей, о хвалѣ и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единое правдивое церкви Христовы“... и проч. На самую тѣснѣйшую связь ученія о перстосложеніи этого сочиненія съ ученіемъ слова „Максима инока“ указывалъ въ свое время еще о. Виноградовъ въ изслѣдованіи „О Θεодоритовомъ словѣ“⁴³⁾. И указаніе это должно быть признано безусловно основательнымъ. Полная зависимость разсужденія о двуперстіи книжки „О образѣхъ“ отъ слова „Максима инока“ бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на оба эти свидѣтельства. Приведемъ начальныя фразы ихъ:

Слово «Максима инока»:

«Якоже въ божественномъ крещеніи тремя въ воду погруженными тридневное Спаса Христа погребеніе и воскресеніе гадаеть церковное преданіе, по божественному глаголющу: елицы бо во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся, спогребехомся Ему крещеніемъ въ смерть. Тая же аки сказыа, что есть еже въ смерть, приводилъ глагола: да яко же Христосъ воста отъ мертвыхъ, такоже и мы во обновленіе живота поживемъ духовно... Сице знаменованіемъ честнаго креста все вкупѣ благовѣрія таинство учить ны исповѣдывати таинственнѣй...

Совокупленіемъ бо тріехъ перстей, сирѣчь палца и еже отъ срядняго и малаго тайну исповѣдуемъ богочастныхъ тріехъ ипостасей Отца, Сына и Духа Святаго, единого Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средняго съшедшася два естества во

Книги «О образѣхъ» глава 5-ая:
«О крестѣ; для чего знаменаетъ лице свое крестообразно рукою»:

«Яко и въ святомъ крещеніи тремя у воду погруженными тридневное Христово погребеніе и въскресеніе быти показуется. Елицы бо, мовить апостолъ, во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся, и съпогребехомся з Нимъ крещеніемъ въ смерть: и докладаетъ, да яко же Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчею, такъ же и мы въ обновленіи живота ходити начнемъ. Тому жъ подобно и знаменованіемъ честнаго креста все сполу доброе вѣры таинство учить насъ визнавати таемнѣй.

Ибо злученіемъ трехъ пальцевъ по сполу, то есть великаго и малаго и третего, што подѣлъ малаго, исповѣдуется таемица божественныхъ трехъ ипостасей Отца, и Сына, и Святаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ. Протягне-

⁴³⁾ Стр. 156 и слѣд.

Христѣ, сирѣчь самаго Спаса Христа исповѣдуемъ съвершена Бога и съвершена человека въ двою существу и естеству вѣруемаго и познаваемаго...⁴⁴⁾.

нѣмъ же двоихъ пальцевъ, верхняго и средняго показуется таемица самого Господа нашего Иисуса Христа, ижъ есть doskonaльный Богъ, и doskonaльный былъ человекъ нашего для спасенія...⁴⁵⁾.

Относительно слѣдующаго своего свидѣтельства, свидѣтельства „Книги о вѣрѣ единой святой соборной апостольской церкви“⁴⁶⁾ самъ г. Каптеревъ заявляетъ, что оно ученіе о двуперстіи излагаетъ „вполнѣ согласно съ приведенною сейчасъ выдержкою изъ книги: О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей... и о иныхъ артикулахъ вѣры“⁴⁷⁾. И дѣйствительно, мы здѣсь читаемъ буквально тоже самое, что содержится въ книгѣ „О образѣхъ“:

«Яко и въ святомъ крещеніи тремя въ воду погруженіи тридневное Христово погребеніе и въскресеніе быти показуется... Тому подобно и знаменованіемъ честнаго креста все сполу доброй вѣры таинство учить насъ вызнати таемѣ. Або вѣмъ, заученіемъ троихъ палцовъ посполу, то есть великаго и малаго и третего, што подлѣ малаго исповѣдуется таемица божественныхъ троихъ ипостасей... и т. д.⁴⁸⁾.

Изъ разныхъ рукописныхъ южно-русскихъ памятниковъ, проповѣдующихъ двуперстіе, г. Каптеревъ указываетъ Книгу о вѣрѣ, — „сочиненіе кіевскаго михайловскаго игумена Наѡанала, которая въ простомъ дословномъ переложеніи была потомъ напечатана въ Москвѣ въ 1648 году“ и „многочисленные сборники, которые извѣстны подъ именемъ Литовскихъ Просвѣтителей“⁴⁹⁾. Книга игумена Наѡанала („Книжица, или списаніе о вѣрѣ православной,

⁴⁴⁾ По экземпляру Имп. Публ. Библ. № I, 5, 40.

⁴⁵⁾ По экземпляру той же Библ. № I, 8, 14.

⁴⁶⁾ По мнѣнію библиографовъ, книга эта напечатана въ Кіевѣ въ 1619 году. См., напр., «Полное описаніе старопечатныхъ книгъ библиотекы Сиб. Дух. Академіи» А. Родосскаго, «Христ. Чтеніе» 1886, II, прилож. стр. 105, № 63). По всей вѣроятности, она составлена Захаріемъ Копыстенскимъ, иначе «Азаріемъ», почему и называется Захаріевой, или Азаріевой книгой.

⁴⁷⁾ Стр. 66.

⁴⁸⁾ «Книги о вѣрѣ» часть вторая, статья «О крестѣ, для чего знаменамъ лице свое крестообразно рукою», стр. 68—69 (экземпляръ Имп. Публ. Библ. № I, 8, 28).

⁴⁹⁾ Стр. 66.

о святой церкви восточной, о изрядѣйшихъ правовѣрныхъ артикулахъ, отъ божественнаго писанія путнаго ради случая, въ гоненіи отъ нужды, вкратцѣ собрана“), написанная въ 1644 г.⁵⁰⁾, говоря о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, буквально повторяетъ текстъ кievской (Захаріевской, или Азаріевской) „Книги о вѣрѣ“, 1619 года⁵¹⁾, („Зложеніе, читаемъ у Наанаила, трехъ пальцевъ правой руки посполу, то есть великаго и малаго и третіею, что подлѣ малаго, исповѣдуется таинница Божественныхъ трехъ ипостасей Отца, Сына и Св. Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ. Протяженіемъ же двухъ палцовъ“... и т. д. Рукоп. Ундольскаго, нынѣ Румянцевскаго музея, № 427, л. 126—127)⁵²⁾ и слѣдовательно свое ученіе о перстосложеніи излагаетъ въ зависимости отъ книги „О образѣхъ“ и слова Максима инока. „Многочисленные сборники, которые извѣстны подъ именемъ Литовскихъ Просвѣтителей“, представляютъ изъ себя не что иное, какъ списки книги „Православная вѣра“, только подъ другимъ названіемъ⁵³⁾. А эта послѣдняя книга, на ряду съ другими статьями, содержитъ въ себѣ цѣликомъ сочиненіе „О образѣхъ“ (всѣ двѣнадцать главъ этого сочиненія)⁵⁴⁾ и, значить, въ своемъ ученіи о перстосложеніи только переписываетъ то, что сказалъ, на основаніи слова „Максима инока“, авторъ двѣнадцатой книжки „О образѣхъ“.

Такимъ образомъ, безспорно, что всѣ собранныя г. Каптеревымъ южно-русскія статьи о двуперстіи упираются въ одну статью, въ слово „Максима инока“. Это слово проходитъ чрезъ всѣ „печатныя и рукописныя южно-русскія книги“, проповѣдующія двуперстіе. Оно „бродитъ“⁵⁵⁾ по письменности и осѣдаетъ здѣсь въ тѣхъ или иныхъ, въ общемъ немногочисленныхъ, варіаціяхъ.

⁵⁰⁾ Дм. Цвѣтаевъ, — «Протестантство и протестанты»... стр. 671.

⁵¹⁾ Гр. Дементьевъ, — «Критическій разборъ такъ называемой книги о Вѣрѣ, сравнительно съ ученіемъ глаголемыхъ старообрядцевъ». Спб. 1883, стр. 70.

⁵²⁾ Тамъ же, стр. 80.

⁵³⁾ Ив. Соколовъ, «Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». Москва, 1880, стр. 72—73 и соответствующія примѣчанія.

⁵⁴⁾ Тамъ же. Ср. «Патріархъ Никонъ и его противники» Каптерева, стр. 13—16 примѣч.

⁵⁵⁾ Пр. Никанора, «О перстосложеніи», стр. 346.

Тѣснѣе со всѣхъ сторонъ католиками и протестантами, не останавливавшимися ни предъ какими средствами для подавленія православія, и между прочимъ выпустившими цѣлую тучу разнаго рода писаній, православные ревнители кievской Руси по необходимости тоже должны были взяться за перо. Начинается снѣжная литературная дѣятельность кievскихъ ученыхъ. Но именно вслѣдствіе своей снѣжности, а отчасти и другихъ обстоятельствъ, дѣятельность эта принимаетъ компилятивное направленіе. Не располагая временемъ, а отчасти и другими средствами, для самостоятельнаго разясненія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, православные писатели ограничиваются передѣлкой старыхъ подходящихъ матеріаловъ, а иногда и просто переписываютъ или перепечатываютъ то, что было написано раньше ⁸⁶⁾. На ряду съ другими статьями въ кievской литературѣ начинаетъ теперь странствовать и слово „Максима инока“. Оно попадаетъ въ азбуку Зизанія. Оно переносится въ книгу „О образѣхъ“, а отсюда и въ другія печатныя и рукописныя южно-русскія книги: книга „О образѣхъ“, которой особенно посчастливилось въ южно-русской компилятивной литературѣ ⁸⁷⁾, полностью вносится въ Литовскій Провѣдатель, большею половиною входитъ въ Азаріеву „Книгу о Вѣрѣ“ ⁸⁸⁾, а отсюда въ значительной мѣрѣ утилизируется и кievскимъ игуменомъ Нава-наномъ ⁸⁹⁾.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, мы затрудняемся ученіе о двуерстіи, высказанное южнорусскими писателями, называть въ строгомъ смыслѣ даже и литературнымъ мнѣніемъ этихъ писателей. Сочиненія кievскихъ ученыхъ не даютъ намъ собственныхъ, безусловно собственныхъ сужденій ихъ авторовъ по вопросу

⁸⁶⁾ Ив. Соколовъ, — «Отношеніе протестантизма къ Россіи», стр. 71 и др.

Дм. Цвѣтаевъ, — «Протестантство и протестанты въ Россіи», стр. 61 и др.

⁸⁷⁾ Ив. Соколовъ, — «Отношеніе протестантизма къ Россіи», стр. 73 и примѣч. Цвѣтаевъ, — «Протестантство»... стр. 611.

⁸⁸⁾ Ср. Голубева, — «Библиографическія замѣчанія». Труд. Киевск. Дух. Акад. 1876 г., I, 371—376.

⁸⁹⁾ Гр. Деметъевъ, — «Крат. разборъ»... стр. 69 и слѣд.

о перстосложеніи. Въ этихъ сочиненіяхъ мы находимъ лишь пассивное повтореніе, пассивное непротивленіе статей о двуперстіи, которую, въ видѣ злополучнаго слова „Максима инока“, печальный случай далъ въ руки кіевлянъ.

Маленькая брошюрка (всего два листика in quarto), изданная „накладомъ велебнаго его милости епископа Луцкаго и Острожскаго, отца Кирила Терлецкаго“ (по мнѣнію библіографовъ, въ Острогѣ, около 1584. Каратаевъ, — „Хронологическая роспись славянскихъ книгъ“, Сиб., 1861, стр. 16. Ундольскій, — „Очеркъ славяно-русской библіографіи“, Москва, 1871, столб. 16), которая содержитъ въ себѣ слово „Максима инока“, примѣчательна уже по своему заглавію. Она надписана: „Максима инока, како подобаетъ знаменоватися крестнымъ знаменіемъ. Глава 40“. Последнія слова заглавія прямо указываютъ на то, что брошюрка имѣетъ самое тѣсное отношеніе къ полному собранію сочиненій Максима Грека, что она воспроизводитъ то „Сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ“, которое встрѣчается во многихъ древнѣйшихъ спискахъ сочиненій Максима, при чемъ въ самомъ древнемъ изъ нихъ, въ списокъ Хлудовской бібліотеки, № 73, писанномъ въ 1563 году, представляетъ (точнѣе представляло)⁶⁰⁾ изъ себя именно 40 главу собранія⁶¹⁾. А самый текстъ брошюры не оставляетъ въ этомъ и тѣни сомнѣнія. Классическое мѣсто о перстосложеніи здѣсь излагается слово въ слово согласно съ „Сказаніемъ“. Очевидно, при помощи московскихъ выходцевъ въ юго-западную Русь (въ родѣ князя Курбскаго) или благодаря какимъ-либо инымъ посредствамъ, великороссійскій сборникъ Максимовыхъ сочиненій съ пресловутымъ „Сказаніемъ“ о крестномъ знаменіи изъ Московіи попалъ въ руки югозападныхъ ученыхъ и былъ употребленъ послѣдними для своихъ надобностей. Въ 1588 году этимъ сборникомъ воспользовался „многогрѣшный и худшій въ христіанехъ убогій Василій“ (по мнѣнію Востокова, князь Кон-

⁶⁰⁾ «Братское Слово», 1887, 11, стр. 776, прим. 40.

⁶¹⁾ Поповъ, — «Описаніе рукописей Хлудова», Москва, 1872, стр. 150—152. Ср. «Бр. Ст.», 1875, кн. 1, отд. 11, стр. 56—57 и «Бр. Ст.», 87, II, 776.

ставинъ Острожскій, во святомъ крещеніи Василиї), который взялъ изъ него статью „О исхожденіи всесвятаго и животворящаго Духа“ (въ предисловіи къ ней Василиї пишеть: „Еднакже не отъ своихъ умышленій, но отъ нѣкоихъ трудолюбивыхъ старецъ въ духовномъ любомудріи възпитанныхъ, паче Максима инока св. аеонскыя горы сожителя, онъ же отъ божественныхъ писаній и святыхъ богоносныхъ отецъ вселенскихъ учителей, избравши, будучи у православнаго Государя великаго князя московскаго, написать противъ такового суетумудрія нѣкоего Николая нѣмца, съ котораго писанія его и мы Божією помощію... елика сила вкратцѣ избравши, здѣ написахомъ“) ⁶²⁾. Въ 1618 году одно изъ сочиненій Максима грека переиздалъ (на церковно-славянскомъ языкѣ) неизвѣстный авторъ, скрывшій свое имя подъ буквою З. ⁶³⁾. Въ 1619 г. двумя словами Максима воспользовался Захарія Коныстенскій, помѣстившій въ своей „Книгѣ о Вѣрѣ“ „Преподобнаго Максима грека... ижъ не годится нѣкому придавати што, або уймовати въ Божомъ признаню, або складѣ непокаяной христіанской вѣры, Слово 1“ и „Того жъ преподобнаго Максима грека отповѣди и розвязанія противнѣхъ силлогизмовъ, замѣтовъ и отпоровъ о похожденію Св. Духа, слово 2“ ⁶⁴⁾. А съ 1596 года пошла въ ходъ въ кievской письменности и та глава Максимова сборника, которая содержала „Сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ“. Что же оказывается такимъ образомъ? Оказывается то, что западнорусская наша письменность, не содержащая оригинальныхъ сужденій по вопросу о перстосложеніи, мало того, что варьируетъ всего на всего только одну статью о двуперстіи, но и варьируетъ

⁶²⁾ Напечатанный въ Острогѣ сборникъ «О единой истенной вере». См. А. Родосскаго. — «Полное описаніе старопечатныхъ книгъ библ. Спб. Дух. Акад.» Христ. Чт. 1855, 2, прилож. стр. 37—38.

⁶³⁾ Изданное въ Кіевѣ «Преподобнаго Максима грека, инока отъ св. Аеонскія горы, слово на Латиновъ, яко не лѣтъ естъ ни единому приложити что, или убавити въ божественномъ исповѣданіи непорочныя христіанскія вѣры». См. А. Родосскаго, — «Полное описаніе»... «Хр. Чт.» 1856, 2, прилож. стр. 97—99.

⁶⁴⁾ Родосскій, — «Полное описаніе»... «Хр. Чт.» 1856, 2, прилож. стр. 98, 106. Голубевъ, — «Библиогр. замѣчанія»... Тр. Кіев. Дух. Ак. 1876, 1, стр. 376.

такую статью, которая своимъ происхожденіемъ обязана не кievской Руси: въ кievской литературѣ бродить чужое, заносное, случайное слово о крестномъ знаменіи.

Еще замѣчаніе. Г. Каптеревъ хочетъ доказать, что „іосифовскіе справщики, внося въ наши церковныя печатныя книги ученіе о двуперстіи въ крестномъ знаменіи, никакъ не могутъ нести за это ответственности, никакъ не могутъ подвергаться за это порицанію и укоризнамъ, ибо они ратовали въ этомъ случаѣ за общеупотребительный и всею церковью признаваемый тогда обычай“ ⁶⁵). Онъ выдвигаетъ рядъ свидѣтельствъ, будто бы „неопровержимо и согласно доказывающихъ, „что въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка, общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковью за единственно правильное перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было двуперстіе“, а затѣмъ приводитъ „неопровержимыя данныя“, будто бы не оставляющія никакого сомнѣнія и въ томъ, что двуперстіе въ качествѣ общаго обычая существовало и въ Руси кievской. Г. Каптеревъ, такимъ образомъ, пытается увѣрить насъ, будто „важнѣйшая“ изъ „извѣстныхъ старообрядческихъ особенностей“, то „ученіе о двуперстіи“, которое внесено „въ наши печатныя церковныя книги“ при патріархѣ Іосифѣ, было признаваемо церковью „за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ“ и въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка, и въ Руси кievской „съ самаго введенія у насъ христіанства... вплоть до самой половины XVII вѣка“. Правда, въ своемъ „Оправданіи на несправедливыя обвиненія“ г. Каптеревъ заявляетъ, что, приводя свидѣтельства о двуперстіи, онъ имѣлъ въ виду „порѣшить общій вопросъ о преобладающемъ (?) значеніи той или другой формы перстосложенія“ и вовсе не думалъ доказывать непрерывное существованіе на Руси той опредѣленной формы двуперстія, какой учить Кириллова книга и какой держатся раскольники ⁶⁶). Не споримъ: очень можетъ быть, что г. Каптеревъ не думалъ до-

⁶⁵) Стр. 61.

⁶⁶) «Православное Обзоріе», 1888, 2, стр. 702—703 и слѣд.

казывать это послѣднее положеніе. Но безспорно и то, что оно проскользнуло въ его статью и потому заставляетъ насъ считаться съ нимъ.

Проф. Н. И. Субботинъ, анализируя выставленныя г. Каптеревымъ свидѣтельства, доказывающія общепотребительное будто бы существованіе двуперстія въ московской Руси, не разъ ставитъ на видъ г. Каптереву, что эти свидѣтельства противорѣчатъ себѣ самимъ и далеко не сходятся съ тѣмъ „опредѣленнымъ выраженіемъ“ двуперстія, которое дается „іосифовскими псалтирями и Кирилловой книгой и которое признается единственно вѣрнымъ те-перешними раскольниками ⁶⁷⁾. То, что говорилъ проф. Субботинъ по поводу „московскихъ“ свидѣтельствъ г. Каптерева, нужно сказать и относительно свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ печатныхъ и рукописныхъ южно-русскихъ книгъ“. Единственно правою и „опредѣленною“ формою „важнѣйшей“ изъ „извѣстныхъ такъ называемыхъ старообрядческихъ особенностей“, раскольники признаютъ ту форму перстосложенія, которая описана въ „іосифовскихъ“ псалтиряхъ и въ Книгѣ Кирилловой. Здѣсь повелѣвается для крестнаго знаменія: „три персты вмѣсто сложити, великій, и малый, и третій, что подлѣ малаго..., два же перста, вышній и средній великій вмѣсто сложити и протягнута..., той же средній великій персть мало преклонити“. Изъ южнорусскихъ книгъ о такомъ, точно такомъ перстосложеніи не говоритъ ни одна. Слово „Максима инока“, книга „О образѣхъ“, кіевская „Книга о Вѣрѣ“, Литовскій Просвѣтитель и книга игумена Наѳанайла требуютъ и вышній и средній персты имѣть протянутыми. Азбука Зизанія, расходясь со всѣми этими книгами, не сходится и съ книгой Кирилловой. Она говоритъ о „склоненіи того, што при великомъ до среднего“. Если не предполагать здѣсь простой опечатки, если не читать: „склоненіе того, што при великомъ, да среднего“ (т. е. склоненіе того, что при великомъ, и средняго) ⁶⁸⁾,

⁶⁷⁾ «Братское Слово» 1887, 11, стр. 797 и др.

⁶⁸⁾ Позволительность такого предположенія едва ли можетъ быть оспариваема. Извѣстно, что въ такъ называемой Даниловой редакціи «Ефодоритова Слова» вѣнушается «три персты равно имѣти вкупѣ, бол-

то необходимо признать, что Зизаніева статья „О знаменіи крестномъ“ заповѣдуетъ преклонять не велико-средній палецъ, а палецъ указательный, — „тотъ, што при великомъ“ ⁶⁹⁾).

Иванъ Нивифоровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

шой да два послѣднихъ... а два перста имѣти наклонена, а не простерта». («Такъ называемое Феодоритово Слово въ разныхъ его редакціяхъ». Москва, 1886 стр., 24—26). Извѣстно, что такое же наставленіе о двухъ перстахъ содержится и въ Великомъ Катихизисѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1627 г. (Катих. л. 5 об.). Это же наставленіе мы встрѣтили и въ одномъ довольно самостоятельномъ разсужденіи неизвѣстнаго книжника конца XVI вѣка: «О крестѣ, иже своею рукою ограждаеши. Человѣче, внимай себѣ и о семъ крестѣ, иже самъ себя своею рукою ограждаеши; не просто бо и се есть, но великаго таинства исполнено. Егда бо молитуеши Господу нашему Ісѹ Христу и ты сложи большой перстъ рекомы палецъ со двема меншими и с послѣднимъ, то знаменуеъ образъ таинства пребезначальнаго существа нераздѣлимыхъ троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и егда сложивъ преклониши средній перстъ с предболшимъ перстомъ, то знаменуеъ двѣ естества, божество и человѣчество. Сего ради и полагаемъ на чело главы»... и т. д. (Рукопись Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ Спб. Дух. Акад., № 92—1169, л. 7).

⁶⁹⁾ Подобное ученіе содержится и въ опредѣленіи Стоглаваго собора: «Правую бы руку, сирѣчь десницу», читаемъ здѣсь, «устанавливаю крестному воображенію: большой палецъ да два нижнія перста во едино совокупивъ, а верхній перстъ (т. е. указательный) съ среднимъ совокупивъ, простеръ и мало нагнувъ»... (Стоглавъ. изд. Н. И. Субботина, Москва, 1890, стр. 135).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

И.Т. Никифоровский

Несколько слов относительно
взгляда проф. Н.О. Каптерева на
перстосложение древних киевлян,
сербов и греков

Опубликовано:

Христианское чтение. 1891. № 9-10. С. 283-316.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Нѣсколько словъ относительно взгляда проф. Н. О. Каптерева на перстосложеніе древнихъ кіевлянъ, сербовъ и грековъ.

(Окончаніе *).

Покончивъ съ кіевскою Русью, г. Каптеревъ обращается къ прочимъ славянскимъ странамъ и находитъ, что двуперстіе существовало и „у другихъ славянскихъ православныхъ народовъ, кромѣ собственно русскихъ“⁷¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ разсужденіи г. Каптерева эти „другіе православные славянскіе народы“ скромно выступаютъ въ видѣ одного только народа сербскаго.

„О существованіи двоеперстія у другихъ славянскихъ православныхъ народовъ, кромѣ собственно русскихъ (т. е. о существованіи двуперстія у сербовъ), имѣются нѣкоторые положительные данныя“⁷²⁾. О какомъ существованіи? О существованіи въ качествѣ обычая общепринятаго или только терпимаго? Г. Каптеревъ ставитъ тезисъ очень рѣшительный. Говоря о московской и кіевской Руси, онъ вель рѣчь о двуперстіи, какъ объ обрядѣ общепотребительномъ и признаваемомъ всею церковью за единственно правильный⁷³⁾. Переходя къ Греціи, г. Каптеревъ опять трактуетъ двуперстіе, какъ господствующую и преобладающую форму въ крестномъ знаменіи, какъ правое и обязательное для православныхъ перстосложеніе⁷⁴⁾. Въ срединѣ между разсужденіями о Россіи и Греціи г. Каптеревъ помѣщаетъ свое разсужденіе о сер-

*) См. «Христ. Чтеніе» за 1891 г. № 7—8 (110—140).

⁷¹⁾ Стр. 68. ⁷²⁾ Ibid.

⁷³⁾ Стр. 61, 59, 67. ⁷⁴⁾ Стр. 85—86.

бахъ и помѣщаетъ безъ всякихъ смягчающихъ поясненій, употребляя общую фразу: „о существованіи“ двуперстія у сербовъ и т. д. Какое впечатлѣніе производитъ эта фраза, благодаря указанному контексту, говорить излишне. Но это еще не все. Въ рѣчи о сербахъ г. Каптеревъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „отрицать послѣ этихъ свидѣтельствъ тотъ фактъ, что сербы аеоныты около половины XVII вѣка потому именно стали на сторону московскаго двуперстія.“⁷⁵⁾ и т. д. „Сербы аеоныты стали на сторону московскаго двуперстія“... Не знаемъ, что хотѣлъ сказать г. Каптеревъ этою своею фразою, но думаемъ, что непредубѣжденный читатель⁷⁶⁾ усмотритъ въ ней не одно признаніе простого „существованія“ у сербовъ двуперстія. И такъ, изслѣдованіе г. Каптерева, быть можетъ и помимо воли автора, ставитъ православныхъ сербовъ на одну доску съ великороссами и кіевлянами, и относительно сербовъ старается доказать, будто въ древнія времена всѣ они крестились двумя перстами.

„О существованіи“ двуперстія у сербовъ имѣются, говоритъ г. Каптеревъ, „нѣкоторыя положительныя данныя“. „Прямые и рѣшительныя данныя“, которыя обѣщаль представить г. Каптеревъ, когда начиналъ свою рѣчь о двуперстіи за предѣлами московской Руси, теперь смѣняются уже „нѣкоторыми“ данными. А дальше „нѣкоторыя“ данныя разрѣшаются всего на всего въ два свидѣтельства.

Второе изъ этихъ свидѣтельствъ относится къ 1618 году. Дата перваго требуетъ уясненій.

„Въ 1650 году“, рассказываетъ г. Каптеревъ, „извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, сопровождаая изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Памсія и прибывъ съ нимъ въ Молдавію, остановился въ мѣстохъ сербскаго аеоискаго Зографскаго монастыря⁷⁷⁾. Игуменъ

⁷⁵⁾ Стр. 70.

⁷⁶⁾ Не говоримъ уже о читателяхъ предубѣжденныхъ въ пользу «святой старожитности». А едва ли справедливо опускать изъ виду и ихъ.

⁷⁷⁾ Въ дѣйствительности въ сербскій монастырь заѣзжалъ одинъ Арсеній Сухановъ: онъ ѣхалъ тогда изъ Москвы къ патр. Памсію,

и братія этого мѣтоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки-аеониты сожгли на Аѳонѣ московскія печатныя книги по слѣдующему случаю: нѣкто у нихъ былъ старецъ честенъ-сербинъ, житіемъ былъ святъ и во всемъ искусенъ, и лѣтъ старъ, жилъ въ скитѣ и держалъ книги московскія у себя и крестился крестнымъ знаменіемъ по московскому, какъ писано въ книгѣ Кирилла Еросалимскаго, что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ до тому же училъ. Узнавъ объ этомъ греки-аеониты призвали старца на соборъ къ отвѣту и назвали московскія книги еретическими. И онъ де имъ говорилъ, что есть у нихъ книги старинныя сербскыя писанныя, а въ нихъ де писано о крестномъ знаменіи такъ же, какъ и въ московскихъ. И то де книгу письменную, сыскавъ, принесли на соборъ и спускали съ московскою печатною книгою, и все де сошло слово въ слово противъ московской печати ⁷⁸⁾. И московскія печатныя книги и сербскую старую рукописную книгу, въ которой заключалось ученіе о двуперстіи, греки-аеониты сожгли, причѣмъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ явился ахридскій митрополитъ Даніилъ, который въ то время случился на Аѳонѣ. Сухановъ собралъ о сожженіи русскихъ книгъ на Аѳонѣ точныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ, и такъ какъ Даніилъ ахридскій въ это время находился уже въ Молдавіи, то онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, которому жаловался на него Сухановъ ⁷⁹⁾. Передавъ „показаніе“ архіеп. Даніила (въ общемъ согласное съ рассказомъ молдавскихъ старцевъ) и сославшись далѣе, для подтвержденія факта сожженія аеонитами старой

въ то время находящемуся въ Торговищѣ. См. «Пренія съ греками о вѣрѣ» (а не «Статейный списокъ», какъ цитуетъ г. Каптеревъ, стр. 69, прим. 76) Суханова, — «Хр. Чт.» 1883, II, стр. 691. [«15-го года марта въ 30 день, ѣдучи с Москвы... старецъ Арсеній Сухановъ къ Паисію патріарху ерусалимскому ночевалъ въ молдавской землѣ въ васслѣ монастырѣ сербскомъ въ мѣтохе святыя горы вуграфскаго монастыря...»] и предисл. издателя, С. Вѣлокурова, — *ibid.* стр. 670.

⁷⁸⁾ Въ подлинникѣ: «... противъ московской книгѣ» («Христ. Чт.» 1883, II, стр. 695).

⁷⁹⁾ Стр. 68—69.

сербской книги, на донесеніе старца Чудова монастыря Пахомія, который „такъ же, какъ и Сухановъ, сопровождалъ изъ Москвы іерусалимскаго патр. Памсіа“, и на „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи“ Григоровича, г. Каптеревъ на этомъ и оканчиваетъ свою рѣчь о данномъ фактѣ. Очевидно, рассказъ Арсенія Суханова представляется ему вполне яснымъ и правдоподобнымъ. Г. Каптеревъ не находитъ ничего повѣртливаго въ томъ, что въ 1650 году нашлась старинная сербская книга, написанная 130 лѣтъ тому назадъ, въ которой ученіе о крестномъ знаменіи „все сошлось слово въ слово противъ московской книги“ и именно противъ „Книги Кирила Ерусалимскаго, что напечатана въ Москвѣ“. Намъ кажется, что въ повѣствованіи „Старца строителя“ этотъ послѣдній пунктъ нѣсколько „сумнителенъ“.

Рѣшая вопросъ о томъ „насколько и какъ московскіе собиратели Кирилловой книги воспользовались южнорусскими произведеніями (тѣми произведеніями, механическая выборка изъ которыхъ дала Кириллову книгу), что въ нихъ они передѣляли, насколько внесли въ нихъ своего“, г. Каптеревъ обращается къ „дословному сличенію“ сочиненія Михаила (Рогова) съ его источниками. Относительно четырнадцатой главы Кирилловой книги это сличеніе утверждаетъ г. Каптерева въ той мысли, что настоящая глава: „О крестѣ, чего ради знаменуемъ лице свое крестообразно“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры, или Просвѣтители литовскаго; начальныхъ словъ главы: „во истину не презрѣ насъ Господь Своимъ милосердіемъ“... нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ, нѣтъ и въ Просвѣтителѣ; „но далѣе идетъ буквально сходно съ Азаріевою вѣрою, кромѣ вставки въ Кириллову книгу въ ученіи о перестроженіи слѣдующихъ словъ: „той же средній великій перстъ мало преклонити, исповѣдуются тайна, еже есть Сынъ Божій преклонъ небеса и снѣде на землю и бысть человекъ нашего ради спасенія“; затѣмъ въ Кирилловой книгѣ, сравнительно съ Азаріевою вѣрою, встрѣчается новая вставка, именно: приводится извѣстное слово о крестномъ знаменіи блаженнаго Феодорита, котораго нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ; далѣе слѣдуетъ опять дословная выписка изъ книги о Вѣрѣ; конецъ трактата этой книги не вошелъ въ Кириллову

книгу, гдѣ помѣщены: извѣстное сказаніе о чудѣ святаго Мелетія и слово о крестномъ знаменіи Максима грека, вовсе не имѣющіяся въ книгѣ о Вѣрѣ⁸⁰⁾. Итакъ, самъ г. Каптеревъ соглашается, что московскіе составители Кирилловой книги въ 14 главу своего сочиненія, представляющую въ общемъ переложеніе прежняго трактата о перстосложеніи, внесли и нѣчто свое. Намъ остается до-бавить, что нѣкоторые изъ этихъ вставокъ проповѣдуютъ новшества, которыхъ не только не знали Азаріева Вѣра и Просвѣтитель литовскій, но которыя и вообще были неизвѣстны до 1641 г. (7150 г. сентябрь мѣсяцъ), когда вышла въ свѣтъ Псалтирь, гдѣ напечатана та статья о крестномъ знаменіи, которая впослѣдствіи дословно была повторена Кирилловою книгою⁸¹⁾. Въ этой статьѣ, между прочимъ, приводится такъ называемое „*Θεοδωριτονο*“ слово,—подложное, русское слово о перстосложеніи, дѣлающееся извѣстнымъ у насъ съ половины XV столѣтія. „*Θεοδωριτονο*“ слово здѣсь гласитъ: „...два перста, вышній да средній великій вѣсто сложити и простерти, великій же перстъ имѣти мало на-клонно“... Такая редакція *Θεοδωριτονο* слова совершенно невѣ-дома древней нашей письменности. Въ настоящее время извѣстно не малое количество списковъ этого слова и между всѣми ими нѣтъ ни одного, который бы относился ко времени до 1641 г. и содержалъ бы ученіе о наклоненіи великосредняго перста. Древ-нѣйшіе списки слова, не называя поименно пальцовъ, говорятъ о наклоненіи двухъ перстовъ, („а два перста имѣти наклонена, а не простерта“); списки такъ называемой Даниловской редакціи, повелѣвая „три перста равны имѣти вкупѣ, большой да два по-слѣднихъ“, о двухъ перстахъ по прежнему учатъ: „а два перста имѣти наклонена, а не простерта“⁸²⁾. Несомнѣнно, потому, что

⁸⁰⁾ «Патріархъ Наконъ»... стр. 12—16.

⁸¹⁾ Объ этой Псалтири, напечатанной въ періодъ междупатріарше-ства, первой Псалтири, содержащей извѣстное слово о двуперстїи, см. въ «Братск. Словѣ» 1838, т. II, стр. 330. См. «Христ. Чт.», 1890, I, стр. 231 прим.

⁸²⁾ См. «Такъ-называемое *Θεοδωριτοно* слово въ разныхъ его ре-дакціяхъ». Москва, 1886 г.

слова: „два перста... простерти, великій же перстъ имѣти мало наклонно“ внесены въ текстъ „*Θεοδωριτοῦ*“ слова издателями московской Псалтири 1641 г.⁸³⁾ А если все это такъ, то ка-кимъ же образомъ сербская книга, написанная въ 1520 году, могла „слово въ слово“ сойтись съ московской книгой „Кирила Еросалимскаго“? Какимъ образомъ могло очутиться въ ней „*Θεοδωριτοῦ*“ слово съ тѣмъ наставленіемъ „великій перстъ имѣти мало наклонно“, которое сочинено было московскими издателями только въ 1641 году? Этого мало. Если въ сербской книгѣ „все“ сошлось слово въ слово противъ московской книги, то, значить, въ ней содержалось и слово Максима грека о крестномъ знаменіи, то слово, которое въ книгѣ Кирилловой заключаетъ главу „О крестѣ“. Но какимъ же образомъ Максимъ грекъ въ 1520 году могъ занять мѣсто на ряду съ такими авторитетами, какъ „блаженный *Θεοδωρίτης*“, какъ „богословесный, святой мужъ“ Мелетій, патріархъ антиохійскій?! Да и могло ли въ 1520 г. существовать самое „Сказаніе Максима грека“ о перстосложеніи? Вѣдь Максимъ, прибывшій къ намъ, въ Россію, въ 1518 г., въ это время только-только еще начиналъ знакомиться съ славянскимъ языкомъ. Поневолѣ, такимъ образомъ, приходится нѣсколько ограничить правдоподобность записи Суханова [и это тѣмъ необходи-мѣе, что записъ эта содержится въ сочиненіи, о которомъ преосв. Макарій пишетъ: „надобно помнѣть, что Арсеній записывалъ свои пренія съ греками не во время самихъ преній, а уже послѣ“...]⁸⁴⁾ Поневолѣ приходится допустить одно изъ двухъ: или признать, что въ сербской книгѣ ученіе о крестномъ знаменіи, дѣйствительно, „все сошлось слово въ слово противъ московской книги“, но са-мая книга написана не въ 1520 году, а гораздо позднѣе, или согласиться, что книга писана въ 1520 году, но ученіе ея о крестномъ знаменіи далеко не то „опредѣленное выраженіе“ дву-перстія, которое даетъ Книга Кириллова.

⁸³⁾ Ср. «Братское Слово» 1888 г., I, 358—361.

⁸⁴⁾ «Исторія русской церкви» т. XI (Спб., 1882), стр. 159. Ср. предисловіе Вѣлюкурова къ его изданію. «Христ. Чит.» 1883, 2, 71—672 стр.

Проповѣдники широкой распространенности у сербовъ двуперстія, конечно, съ болѣею охотою примутъ второе предположеніе. Станемъ и мы на ихъ сторону ⁸⁵⁾),—согласимся, что старая сербская книга должна быть отнесена къ 1520 г.

„Существованіе“ у сербовъ двуперстія г. Каптеревъ доказываетъ двумя свидѣтельствами. Свидѣтельства эти касаются времени съ 1520 по 1618 годъ и, слѣдовательно, даютъ намъ право разсуждать не вообще о сербахъ, а о сербахъ только этой эпохи ⁸⁶⁾).

⁸⁵⁾ Слова Суханова о томъ, что «старинная» сербская книга, писанная за 130 лѣтъ до 1650 г., оказалась съ такимъ ученіемъ о крестномъ знаменіи, которое «все сошлось слово въ слово противъ московской книги» и именно «книги Кирила Еросалимскаго», естественно не понимать такимъ образомъ, что въ старой сербской рукописи нашлась рѣчь о двуперстіи, близкая къ рѣчи Кирилловой книги. Въ пользу такого именно пониманія говоритъ слѣдующее обстоятельство. Весѣдуя 21 апрѣля 1650 года въ Торговищѣ съ греками о крестномъ знаменіи, Арсеній не разъ заявлялъ имъ, что русскіе крестятся такъ, какъ писано въ Кирилловой книгѣ, что, въ частности, они наклоняютъ мало «средній великій перстъ» для исповѣдыванія того, что «Сынъ Божій преклопъ небеса и снле на землю и бысть человекъ пась ради» («Пренія съ греками о вѣрѣ» Храст. Чт. 1883, II, 696—701). И не смотря на это, Арсеній въ той же бесѣдѣ съ рѣшительностью замѣтилъ: «Здѣ у васъ въ Торговищи сыщу такую книгу Полскія земли печатную, а въ ней писано о крестномъ знаменіи слово въ слово противъ нашего, а та книга у второго логовета у Дришта грамматика словенская» (Ibid. стр. 700). Арсеній говоритъ объ Азбукѣ Лаврентія Зиванія [въ «Грамматикѣ словенской» Зиванія, напечатанной одновременно съ Азбукой, въ Вильнѣ же, ученія о крестномъ знаменіи не имѣется. Экз. Грамматики въ Имп. публ. библ. № 1, 7, III], которая ведетъ рѣчь о «склоненіи того, што при великомъ до среднего», т. е. о склоненіи не среднего, а указательнаго пальца, и объ этой Азбукѣ утверждаетъ, будто въ ней о перстосложеніи писано «слово въ слово противъ нашего». Очевидно, послѣдняя фраза въ устахъ Суханова далеко не имѣетъ полновѣснаго значенія.

⁸⁶⁾ Къ числу «нѣкоторыхъ положительныхъ данныхъ», доказывающихъ будто бы существованіе у сербовъ двуперстія, мы не относимъ случая, который послужилъ ближайшимъ поводомъ къ сожженію книгъ на Аеоиѣ, по той причинѣ, что самъ г. Каптеревъ оставляетъ его въ тѣни. И дѣйствительно, выдвигать этотъ случай впередъ положительно нѣтъ никакой возможности. Правда, г. Каптеревъ бросаетъ и такого рода фразу: «сербы аеоинисты около половины XVII вѣка... стали на сторону московскаго двуперстія». Но гдѣ же онъ нашелъ разсказъ о сербахъ аеоинистахъ? Крестился двуперстно на Аеоиѣ

Какое же безпристрастное, строго-научное сужденіе можно составить на основаніи данныхъ свидѣтельствъ? Въ 1520 г. написана была гдѣ-то на сербскомъ языкѣ книга, проповѣдывавшая двуперстіе. Черезъ сто лѣтъ, въ 1618 г., въ Угорцахъ, съ рѣчью о двуперстіи вышла въ свѣтъ другая книга. Что же доказываютъ эти два факта? Могутъ ли они доказывать то, что съ 1520 г. по 1618 весь сербскій народъ, вся сербская церковь, какъ общеобязательный обычай, содержала двуперстіе? Двѣ сербскія книги и весь сербскій народъ!!.

Несомнѣнно, что двуперстіе не было господствующимъ перстосложеніемъ въ церкви сербской.

1) Исторія не знаетъ никакихъ волненій сербскаго народа изъ-за вопроса о перстосложеніи. А такія волненія были бы неизбежны, если бы троеперстіе, несомнѣнно господствовавшее въ церкви сербской около времени ясскаго собора 1640 г., являлось на сѣбѣ общепринятаго обычая креститься двумя перстами. 2) Въ 1656 г. сербскій патріархъ Гавріиль, гостившій въ то время въ Россіи, на вопросъ патріарха Никона о перстосложеніи, вмѣстѣ съ другими восточными іерархами писалъ: „Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и святыхъ семи соборовъ творити знаменіе честнаго креста съ тремя персты десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ тако, по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, есть еретикъ и подражатель арме-

«старецъ честенъ—сербякъ», именемъ Дамаскинъ, — крестился одинъ сербъ, а новсе не «сербъ аеоинитъ». «За крестное воображеніе и за книги, которыя пожгли (на Аеоѣ), говорилъ вопреки и противъ правилъ святыхъ отецъ стоялъ святыя Аеоинскіе горы старецъ (Оеодоръ». Въ защиту двуперстія и московскихъ книгъ говорилъ что-то старецъ Оеодоръ, — говорилъ что-то въ защиту двуперстія и притомъ одинъ старецъ. Вмѣстѣ съ духовникомъ Дамаскинымъ аеоиниты «сатворили въ темницы» «попа Романа и ученика ихъ Захарію»; за что сатворили въ темницу послѣднихъ двухъ лицъ, близкихъ къ Дамаскину лицъ (Захарія называется «ученикомъ ихъ», т. е. Дамаскина и Романа вмѣстѣ), неизвѣстно. (Подробнѣе объ этомъ у пресвященнаго Наканора въ Бесѣдѣ «О перстосложеніи»... стр. 354—357).

новъ“⁸⁷⁾. Если бы двуперстіе господствовало въ сербской церкви съ 1520 по 1618 г., патріархъ сербскій едва ли бы позволилъ себѣ выразиться такъ рѣшительно. 3) Представитель сербской церкви былъ на большомъ московскомъ соборѣ 1667 г. А соборъ этотъ торжественно заявилъ, что креститься тремя перстами „нмуть вси народи христіанстіи, мнози языцы, иже суть во православіи, отъ востока и до запада, преданіе издревле и до нынѣ неизмѣнно держать“. 4) И къ расколу вообще, и къ раскольническому перстосложенію въ частности православные сербы всегда относились и относятся совершенно такъ же, какъ относились и относятся къ нимъ малороссы съ бѣлоруссами. У сербовъ нѣтъ и тѣни двуперстія⁸⁸⁾.

Итакъ, цитуемая г. Каптеревымъ двѣ сербскія книжки далеко не выражаютъ общаго обычая сербской церкви. Онѣ могутъ быть лишь выразительницами частнаго мнѣнія сербскихъ книжниковъ.

Обратимся къ самымъ книгамъ сербскимъ. О какомъ двуперстіи учила книга, написанная въ 1520 г., ни намъ, ни г. Каптереву неизвѣстно, а потому и рѣчи объ этой книгѣ быть не можетъ⁸⁹⁾.

Въ книжкѣ, напечатанной въ Угорцахъ въ 1618 году, статья „о знаменіи крестномъ“, по словамъ г. Каптерева, излагается „вполнѣ сходно, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, съ изложеніемъ ученія о троеперстіи (о двуперстіи?) Стефана Зизанія, какъ оно было изложено въ прибавленіи къ Азбукѣ 1696 (1596?) года“⁹⁰⁾. Говоря проще, составитель данной книжки ученіе о перстосложеніи списалъ съ Азбуки Зизанія. А если это такъ, то понятно, что напечатанное въ Угорцахъ „Собраніе въ кратце словесъ отъ божественнаго писанія“ нисколько не гово-

⁸⁷⁾ «Скрижаль», 1656 г., нenum. листы.

⁸⁸⁾ Преосв. Никанора, «О перстосложеніи»... стр. 346.

⁸⁹⁾ Позволительно, кажется, предполагать, что книжка эта содержала или что нибудь въ родѣ греческой замѣтки Петра Дамаскина, или «о-либо въ родѣ русскаго «Θεοδωριτοβα» слова редакціи Даниїловой.
) Стр. 70.

рить намъ о взглядахъ сербскихъ писателей, — о собственныхъ взглядахъ ихъ. Подвернулася этимъ писателямъ бѣлорусская Азбука, взяли они оттуда статью о перстосложеніи, а какъ сами разсуждали о сложеніи перстовъ, это еще вопросъ. Правда, г. Каптеревъ, указавъ на данную книжку, пишетъ: „Понятное дѣло, что православные сербы (а сколько ихъ было?) не могли бы печатать и пользоваться этой книжкой (какъ пользовались сербы „Собраніемъ“, г. Каптеревъ ничего не говоритъ), если бы видѣли въ ней на первой же страницѣ неправославное ученіе о перстосложеніи, противорѣчившее существовавшему всегда у нихъ обычаю троеперстія. Если же они могли рѣшиться печатать въ своихъ учительныхъ книгахъ (т. е. въ своей книгѣ) ученіе о двоеперстномъ крестномъ знаменіи, вопреки тогдашнему греческому троеперстію (это „вопреки“ здѣсь не при чемъ: мало ли чего не дѣлалось „вопреки“ грекамъ?), то, конечно, только потому, что находили оправданіе для этого въ своей собственной церковной практикѣ, могли сослаться на свои древнія книги, какъ это было на Аеоны, подтверждающія двоеперстіе“ ²¹⁾. Странныя вещи проповѣдуетъ г. Каптеревъ! По нему выходитъ, что если какой-нибудь компиляторъ или издатель переноситъ въ свою книжку то или другое мнѣніе, то это значить, что сей компиляторъ или издатель смотритъ на это мнѣніе, какъ на мнѣніе православное, согласное съ существующею практикою, и даже въ дѣйствительности находитъ ему оправданіе и въ современныхъ обычаяхъ и въ „древнихъ книгахъ“. Въ московскомъ изданіи (1648 г.) Наапаиловой компиляціи, извѣстной подъ именемъ „Книги о Вѣрѣ“, на листѣ 10 сказано: „Богъ Слово Іисусъ Христосъ Сынъ Божій Единосущный Отцу родися плотію въ Іерусалимѣ“... Что же? И самъ Наапаилъ думалъ, что мѣстомъ рожденія Іисуса Христа былъ Іерусалимъ, а не Вифлеемъ, и оправданіе для такой мысли находилъ въ кіевскихъ „древнихъ книгахъ?“ Въ 1627 году въ Москвѣ послѣ предварительныхъ исправленій изданъ былъ, съ разрѣшенія

²¹⁾ Стр. 70—71.

патріарха Филарета Никитича, катихизисъ Лаврентія Зизанія. Въ этомъ катихизисѣ, между прочимъ, говорится, что „неисполнившіе епитиміи пребываютъ въ злыхъ и богомерзскихъ дѣдѣхъ своихъ и тако злѣ поживше скончаются“⁹²⁾, что одною изъ существенныхъ частей таинства покаянія является „удовлетвореніе или отпущеніе и мученіе грѣховъ... отъ отца духовнаго воспріятое“⁹³⁾? Что же? „Православные москвичи не могли бы печатать и пользоваться этою книжкою, если бы видѣли въ ней неправославное ученіе о такъ называемомъ удовлетвореніи (satisfactio), противорѣчившее существовавшему всегда у нихъ ученію объ епитиміяхъ, какъ мѣрахъ исправительныхъ. Если же они могли рѣшиться печатать въ своей учительной книгѣ ученіе объ удовлетвореніи, вопреки тогдашнему греческому ученію объ епитиміяхъ, то конечно только потому, что находили оправданіе для этого въ собственной церковной практикѣ, могли сослаться на древнія книги, подтверждающія сатисфакцію“? Другими словами, московскіе сирашики, такъ энергично обличавшіе Лаврентія за его ученіе о сатисфакціи⁹⁴⁾, патр. Филаретъ, съ рѣшительностью высказавшійся противъ этого ученія⁹⁵⁾, и всѣ русскіе люди того времени въ дѣйствительности содержали латинскую ересь? Нѣтъ, компиляторы—издатели XVII вѣка нерѣдко проводятъ такіа сужденія, для которыхъ не только не находятъ оправданій „въ своей церковной практикѣ“, но которыя идутъ въ разрѣзъ и съ ихъ личными воззрѣніями. А потому до тѣхъ поръ, пока не будутъ показаны намъ оригинальныя сербскія статьи о двуперстіи, мы и о сербахъ будемъ держаться такого же мнѣнія, съ какимъ остаемся о кіевлянахъ: ни откуда не видно, чтобы двуперстіе было даже частнымъ литературнымъ мнѣніемъ сербскихъ грамотѣевъ.

⁹²⁾ «Катихизисъ», переводн. изд. (Псковъ, 1885 г.) л. 66.

⁹³⁾ Ibid., л. 890.

⁹⁴⁾ См. Преніе о Катихизисѣ Лаврентія въ «Лѣтопис. русск. литер. и древностей» Тихонравова, 1859 г., кн. IV, II-й отд.; или въ отд. Общества любит. древней письменности, № XVII.

⁹⁵⁾ Ibid.

Относительно перстосложенія древнихъ грековъ небольшое замѣчаніе сдѣлано г. Каптеревымъ уже въ самомъ началѣ его книги, въ главѣ II. Правда, замѣчаніе это направлено здѣсь скорѣе по адресу русскихъ, чѣмъ грековъ; но, во всякомъ случаѣ, оно касается и грековъ. Сущность дѣла въ слѣдующемъ. На ряду съ другими обрядами, греки, по мнѣнію г. Каптерева, принесли къ намъ при св. Владимірѣ и двуперстіе, котораго сами держались въ то время. Почему нужно думать такъ? Потому что если бы греки дали намъ троеперстіе, „то оно, конечно, и утвердилось бы у насъ уже въ то время вмѣсто двоеперстія, такъ какъ митрополиты греки естественно постарались бы ввести на Руси тотъ обрядъ, который господствовалъ и всѣми принимался въ греческой церкви, а русскіе, такъ какъ авторитетъ грековъ въ то время еще ничѣмъ не были поколеблены въ ихъ мнѣніи, охотно подчинились бы требованіямъ своихъ митрополитовъ“⁹⁶⁾. Соображеніе не совсѣмъ новое⁹⁷⁾ и по меньшей мѣрѣ обоюдоострое. Г. Каптеревъ соглашается, что на границѣ XV—XVI вѣка у насъ начинаются горячіе споры о перстосложеніи, являются „нападенія“ на двуперстіе⁹⁸⁾. А если это такъ, то, ставъ на его точку зрѣнія, мы можемъ говорить: греки и сами не крестились двумя перстами и двуперстія не передавали русскимъ, потому что „если бы двуперстіе проникло къ намъ при митрополитахъ грекахъ, то оно, конечно, и утвердилось бы у насъ уже въ то время вмѣсто троеперстія, такъ какъ митрополиты греки“... и т. д.

Въ подробномъ своемъ изслѣдованіи о двуперстіи г. Каптеревъ пишетъ: „На вопросъ, откуда у русскихъ и у другихъ православныхъ славянъ (т. е. просто у сербовъ) взялось двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, отвѣтъ, очевидно, можетъ быть одинъ: они могли заимствовать двоеперстіе только у своихъ общихъ просвѣти-

⁹⁶⁾ Стр. 23—25.

⁹⁷⁾ «Аще бы», писалъ еще авторъ Поморскихъ Отвѣтовъ, «исперва отъ грековъ пріяли въ Россію трети персты креститися... и аще бы въ томъ утвердилась Россія... и аще бы такое твердое утвержденіе когда въ Россіи поколебати начаша..., колико бы отъ того было во всей Россіи смущеніе и волнованіе»... Отв. I.

⁹⁸⁾ Ibid.

телей христіанствомъ грековъ.. Греки научили новопросвѣщенныхъ русскихъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ это время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложеніе, то конечно и русскихъ они научили знаменоватъ себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами. Вотъ когда и откуда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!⁹⁹⁾ Итакъ; по словамъ г. Каптерева, древніе греки „правымъ и обязательнымъ для православныхъ“ перстосложеніемъ признавали двуперстіе. „Въ греческой православной церкви существовалъ очень продолжительный періодъ времени, когда двоеперстіе было въ ней господствующею и преобладающею формою въ крестномъ знаменіи¹⁰⁰⁾. Этотъ продолжительный періодъ обнималъ и то время, когда рускіе принимали отъ грековъ христіанство. А потому то, что содержалось въ качествѣ общеобязательнаго обычая тогда у грековъ, это же, какъ такой же общеобязательный обрядъ, перешло въ то время и къ намъ, въ Россію¹⁰¹⁾).

Первымъ доказательствомъ въ пользу греческаго двуперстія является слѣдующее. Давая отвѣтъ на вопросъ патріарха Никона относительно перстосложенія въ крестномъ знаменіи, константинопольскій соборъ „только указываетъ на существующій у современныхъ грековъ обычай и на его полное соотвѣтствіе съ православнымъ вѣроученіемъ“. Соборъ не рѣшается сказать, что единственно древняя и православная форма перстосложенія въ крестномъ знаменіи есть только троеперстная, современная греческая, и что двуперстіе по отношенію къ троеперстію есть уже позднѣйшая, искаженная форма перстосложенія. Отвѣтъ собора можно перевести такимъ образомъ: „греки употребляютъ въ крестномъ знаменіи троеперстіе и они вполне правы, потому что исповѣдуютъ этимъ правое православное вѣроученіе, а рускіе могутъ держаться своего

⁹⁹⁾ Стр. 71, 85—86.

¹⁰⁰⁾ Стр. 85.

¹⁰¹⁾ Когда и какъ передали греки двуперстіе другимъ православнымъ славянамъ, г. Каптеревъ, по понятной причинѣ, умалчиваетъ.

вѣковаго (!) обычая—двоперстія и будутъ также правы, если они, конечно, соединяють съ этимъ правую православную мысль“. Такой отвѣтъ собора можно объяснить только тѣмъ, „что ученый Мелетій Сиригъ, которому принадлежитъ составленіе соборныхъ отвѣтовъ на вопросы (патріарха) Никона, хорошо зналъ, что... русское двоперстіе вѣкогда существовало и у самихъ грековъ, отъ которыхъ оно вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и перешло къ русскимъ“ ¹⁰²).

Прежде всего г. Каптеревъ не вѣрно отзывается объ отвѣтѣ константинопольскаго собора. Онъ самъ приводитъ этотъ отвѣтъ ¹⁰³), а здѣсь прямо и ясно замѣчается:... „мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе по преданію покланяться, имѣя первые три перста соединенными вмѣстѣ въ образъ св. Троицы...“ ¹⁰⁴) Можно ли послѣ этого говорить, будто константинопольскій соборъ въ своемъ отвѣтѣ „только указываетъ на существующій у современныхъ грековъ обычай“?! Равнымъ образомъ, гдѣ въ подлинныхъ словахъ собора г. Каптеревъ находитъ хотя бы то самый слабый намекъ на то, что патріархъ константинопольскій Палеій и прочіе члены собора видѣли въ русскомъ двуперстіи „вѣковой“ обычай русскихъ? Какимъ образомъ отвѣтъ грековъ, ни словомъ не обмолвившихся о русскомъ перстосложеніи, можно перефразировать такъ, какъ перефразируетъ его г. Каптеревъ: „... русскіе могутъ держаться своего вѣковаго обычая—двоперстія“?! Безспорно, затѣмъ, что константинопольскій соборъ не именуетъ двуперстіе перстосложеніемъ „не древнимъ и не правымъ“: совсѣмъ умалчивая о двуперстіи, соборъ не называетъ его ни „вѣковымъ“, ни новымъ обычаемъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что соборъ „не могъ“ сказать по крайней мѣрѣ того, что двуперстіе по отношенію къ троенерстію — болѣе поздняя форма перстосложенія? Почему, напр., Палеій и прочіе греки не заводятъ рѣчи о двуперстіи? „На двадцать четвертый (вопросъ), въ которомъ спрашивается, какъ подобаетъ христіанину изображать свой крестъ, т. е. какими перстами, отвѣчаемъ“...

¹⁰²) Стр. 73—76.

¹⁰³) Стр. 73.

¹⁰⁴) «Πρωτὸς λόγος ἔχουμεν συνήθειαν καλὰν κατὰ παράδοσιν... «Хр. Чит.», 1881 г., ч. 1, стр. 566—567.

Вотъ на какой вопросъ даетъ отвѣтъ константинопольскій соборъ! Онъ говоритъ о томъ, какъ подобаетъ креститься, а не о томъ, какъ давно появилось двуперстіе. Допустимъ, впрочемъ, даже и то, на чемъ настаиваетъ г. Каптеревъ. Допустимъ, что греки намѣренно и съ умысломъ умолчали о двуперстіи. О чемъ можетъ свидѣтельствовать такое отношеніе грековъ къ двуперстію? Г. Каптеревъ самъ предупредительно указываетъ намъ точку зрѣнія православной константинопольской церкви на перстосложеніе въ крестномъ знаменіи. Это официально выражено въ соборномъ посланіи патріарха Паисія: признаніе „свободы относительно обычнаго знаменованія себя крестомъ каждымъ христіаниномъ, лишь бы только мысль, выражаемая тѣмъ или другимъ перстосложеніемъ, была строго православна“ ¹⁰⁵). И этою точкою зрѣнія „вполнѣ объясняется то явленіе, что константинопольская церковь... вовсе не предпринимала какихъ либо мѣръ для замѣны“ двуперстія... „Именно этижъ и объясняется то обстоятельство“, почему „ученный Мелетій Сиригъ“ преднамѣренно не сказалъ ничего о двуперстіи, если только онъ умолчалъ объ немъ „преднамѣренно“: онъ не сомнѣвался, что „съ двоеперстіемъ русскіе соединяли ту же самую православную мысль, что и греки съ троеперстіемъ“.

„Что у грековъ въ древнее время вмѣстѣ съ другими формами перстосложенія существовало и двоеперстіе, на это имѣются прямыя данныя“ ¹⁰⁶). Рядъ такихъ данныхъ въ пользу двуперстія г. Каптеревъ начинаетъ давно извѣстнымъ ¹⁰⁷) свидѣтельствомъ одного неизвѣстнаго грека XII вѣка. „Одинъ грекъ XII вѣка“, пишетъ онъ, „обвиняетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя подобно моноелитамъ однимъ перстомъ, между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) и три лица (въ божествѣ)“. Со-

¹⁰⁵) Стр. 74—75.

¹⁰⁶) Стр. 76.

¹⁰⁷) «Православный Собесѣдникъ» 1870 г., III, стр. 308—309. «Братское Слово», 1875 г., кн. I, отд. 2, стр. 40—43.

telerio: Ecclesiae Graecae monumenta, t. III, p. 500—XXIV, 502—XXVI, 507—LVII, 508—LVIII и 670¹⁰⁸).

Довольно неопредѣленная цитата г. Каптерева, кажется, заключаетъ ту мысль, что замѣчаніе грека относительно должнаго перстосложенія,—ходячее замѣчаніе древней письменности,—повторяется у одного Котелерія, напр., нѣсколько разъ. Беремъ книгу Котелерія и на стр. 500 подѣ § XXIV читаемъ: „Μετὰ τῶν πέντε δακτύλων πλαγίως πῶς τάχα σταυρὸν ποιοῦσι, καὶ τὴν ὄψιν κατασφραγίζονται οὕτως (Quinque digitis oblique quodammodo cruce formant, et hac ratione faciem suam consignant)“—и только всего. Обращаемся къ стр. 506—508 и здѣсь подѣ §§ 57 и 58 читаемъ: Латиняне впадаютъ въ ересь армянъ и яковитянъ и подобно имъ „μόνῃ καὶ τῷ δακτύλῳ, το πρόσωπον σφραγίζονται [uno autem soloque digito vultui signum crucis imprimunt]“—и только. Слова неизвѣстнаго грека, которыя указываетъ г. Каптеревъ, содержатся въ сочиненіи: „Contra Romanum pontificem“. Сочиненіе это входитъ въ составъ статьи: „Tractatus contra errores Graecorum, editus Constantinopoli in aedibus fratrum Praedicatorum anno Domini 1253“¹⁰⁹). Въ извлеченіи изъ „Трактата“ сочиненіе издано Стевартомъ въ „Observationes et Notae in libros Calecae“¹¹⁰, а также Гергенрөтеромъ въ „Monumenta Graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia“¹¹¹). Составителями „Трактата“ сочиненіе извлечено изъ бумагъ латинскаго писателя Гюгона Этеріанскаго¹¹²). Тѣ слова, которыя имѣетъ въ виду

¹⁰⁸) Стр. 76.

¹⁰⁹) «Tractatus» напечатанъ Стевартомъ in Maxima Bibliotheca veterum patrum, t. XXVII (Lugduni, 1677), pag. 589—619.

¹¹⁰) Maxima Bibliotheca t. XXVI (Lugduni, 1676), pag. 466—471.

¹¹¹) Pag. 62—71 (Ratisbonae, 1869).

¹¹²) Maxim. Biblioth. t. XXVI, p. 467; t. XXVII, p. 608; Hergenröther, Photius, Patriarch von Constantinopel., c. III (Regensburg, 1869), p. 175. Такъ какъ литературная дѣятельность Гюгона Этеріанскаго относится къ 70-мъ годамъ XII в. (Cave, Scriptorum Ecclesiast. Historia liter. Oxonii, 1748, pag. 245), то, значить, наше сочиненіе могло явиться не поже XII в., хотя и не ранѣе этого времени: оно представляетъ изъ себя одну изъ редакцій сочиненія «Περὶ Φωτίου», написаннаго въ концѣ XI в. (Hergenröther, — «Photius», t. III, p. 175—

г. Каптеревъ, въ данномъ сочиненіи читаются такимъ образомъ „*Quinque digitis quomodo aliqui (Latinorum) benedicunt et cum pollice faciem signant, tamquam Monothetae. Cum igitur debeant disponi digiti in consignationibus, quod per eos duae naturae significantur et tres personae, prout Christus monstravit, quando in coelum ascensurus discipulis manibus elevatis benedixit*“¹¹³).

Преосв. Никаноръ, разбирая это свидѣтельство, между прочимъ, пишетъ: „Неизвѣстно, есть ли это переводъ съ греческаго. Если переводъ, то онъ очень плохъ и обличаетъ въ переводчикѣ плохого знатока латинскаго языка, вѣроятно какого либо невѣжественнаго грека... Быть можетъ неблагонамѣренный латинянинъ... самъ сочинилъ (это обличеніе), чтобы выставить своихъ противниковъ—грековъ со стороны невѣжества, и потомъ записалъ“¹¹⁴). Но если даже и не дѣлать подобнаго предположенія о неподлинности даннаго свидѣтельства, и тогда нельзя придавать ему такого значенія, какое придается ему г. Каптеревымъ.

Въ противоположность греческой церкви, употреблявшей отдѣльное перстосложеніе для благословенія и отдѣльное для крестнаго знаменія, церковь латинская рано начала безразлично пользоваться однимъ и тѣмъ же перстосложеніемъ и для крестнаго знаменія, и для благословенія. Такъ, папа Левъ IV (847—855) предписываетъ совершать благословеніе (*benedicere*) тремя первыми перстами⁵¹¹). По свидѣтельству августодунскаго пре-

177). Вѣ Maxim. Biblioth. на полѣ, противъ начала сочиненія, сдѣлано замѣчаніе (принадлежащее, кажется, редактору «Biblioth.»), какое латинскіе издатели часто предпосылаютъ трактатамъ грековъ, направленнымъ противъ латинянъ: «Весьма многое въ этомъ сочиненіи говорится по слуху и молвѣ простого народа»... и т. д. (t. XXVII, p. 608; t. XXVI, p. 467).

¹¹³) Max. Bibl., t. XXVII, p. 608.

¹¹⁴) «О перстосложеніи», стр. 201. Св. стр. 204—205.

¹¹⁵) Давая наставленія духовенству, онъ между прочимъ писалъ: «шапу и хлѣбъ знаменуйте (*signate*) правильнымъ крестомъ, т. е. не кружа и не разставляя пальцевъ, какъ очень многіе дѣлаютъ, но сжавши два пальца и большой заключивши внутрь (*districtis duobus digitis et pollice intus recluso*), чрезъ что означается Троица; правильно старайтесь изображать знаменіе, ибо иначе ничего не можете благословлять (*benedicere*)». Migne, Patrol. curs. c., series latina, t. CXV, col. 667—678.

свитера Гонорія ¹¹⁶⁾ (первой половины XII в. ¹¹⁷⁾ и парижскаго доктора Гиберта Торнаденскаго ¹¹⁸⁾ (XIII в.) ¹¹⁹⁾, латинскіе пастыри, дѣйствительно, благословляли тремя перстами. А между тѣмъ папа Иннокентій III (1198—1216) говоритъ о троерукавѣ какъ о такомъ перстосложеніи, которое употребляется въ церкви латинской и для крестнаго знаменія ¹²⁰⁾. А епископъ туденскій Лука (XIII в. ¹²¹⁾ и прямо говоритъ: „мы знаменуемъ себя и другихъ тремя простертыми перстами“ ¹²²⁾. Съ равныхъ поръ нѣкоторые изъ латинянъ стали допускать у себя и другую особенность: при осѣненіи крестомъ себя и другихъ начали небрежно складывать персты. Папа Левъ IV пишетъ, что уже въ его время

¹¹⁶⁾ Изъясняя мессу и говоря о благословеніи, которыми пастыри осѣняютъ народъ и евхаристическую жертву, Гонорій замѣчаетъ, что это благословеніе начертывается нѣсколько разъ: сначала мы совершаемъ три креста, потомъ пять, одинъ, пять, три, пять и еще одинъ. Всего, продолжаетъ Гонорій, бываетъ 23 креста. «Начертываемъ же мы крестъ тремя перстами, для изображенія Троицы (Tribus autem digitis signa facimus, quia Trinitatem exprimimus). А потому если 23 креста устроишь, ты будешь имѣть 69 крестовъ. Если прибавишь къ этимъ три креста, которые мы начертываемъ не пальцами, а частицею хлѣба, когда говоримъ: *pan Domini*, получишь 72 креста»... и т. д. *Gemma Animae: de antiquo ritu missarum. Lib I, cap. XLIX—LVIII. [De la Bigne, Max. Biblioth., t. XX (Lugduni, 1677) pag. 105.]*

¹¹⁷⁾ Max. Biblioth., XX, первый нумер. листъ.

¹¹⁸⁾ *Tribus digitis Episcopus benedicit, et tribus digitis juxta vaticinium Esaiæ Dominus terræ molem appendit, et in his tribus digitis forma crucis exprimitur*... *De officio Episcopi et Ecclesiae ceremoniis... Cap. II. [Maxim. Bibl., t. XXV (Lugduni, 1677) pag. 402].*

¹¹⁹⁾ Max. Biblioth. t. XXV, первый нумер. листъ.

¹²⁰⁾ Сказавъ: *Est signum crucis tribus digitis exprimendum... ita quod a superiori descendat in inferius, et a dextra transeat ad sinistram*, папа Иннокентій замѣчаетъ; *Quidam tamen signum crucis a sinistra producant in dextram... praesertim ut seipsos et alios uno eodemque pariter modo consignent... De sacro altaris mysterio. Lib. II, cap. XLV (Migne, Patr. Curs. c., series latīna, t. CCXVII, col. 825).*

¹²¹⁾ Max. Bibl., t. XXV, первый нумер. листъ.

¹²²⁾ *Tribus digitis extensis, id est, pollice, indice et medio, duobus aliis digitis plicatis sub invocatione Deificae Trinitatis nos et alios consignamus... Adversus Albigenſium errores. Lib. II, cap. XVIII [ibid. pag. 233].* Свидѣтельства всѣхъ этихъ писателей указаны въ «Православномъ Сочесѣдникѣ» 1860 г., т. II, стр. 327—329; въ «Братскомъ Словѣ» 1875 г., кн. I, отд. 2, стр. 38—39 прим.; а также въ «Вестѣ» преемв. Никанора «О перстосложеніи».

очень многіе изъ подвѣдомственнаго ему духовенства благословляли „кружа и разставляя пальцы“ („in circulo et variatione digitorum“) ¹²³⁾. Можно думать, что эта небрежность заключалась между прочимъ въ томъ, что нѣкоторые изъ латинянъ, имѣя благословлять тремя первыми перстами ¹²⁴⁾, не пригибали къ ладони двухъ послѣднихъ пальцевъ и, такимъ образомъ, въ сущности благословляли пятиперстно ¹²⁵⁾. Но несомнѣнно, что вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ перстосложенію часть латинянъ еще съ IX вѣка перестала надлежащимъ образомъ складывать три первыхъ перста. Вѣсто того, чтобы соединять эти персты концами вмѣстѣ, латиняне не рѣдко ставили большой палецъ отдѣльно отъ указательнаго и велико-средняго. Такую небрежную постановку пальца наблюдали у своего духовенства папа Левъ IV, почему и требовалъ, чтобы большой палецъ соединялся и даже заключался внутрь соединенныхъ указательнаго и великосредняго. Такой способъ латинскаго благословенія былъ извѣстенъ грекамъ. Существованіе его въ латинской церкви не оспаривается и самими раскольниками нашими. „Латини“, говорятъ пожорскіе отвѣты, „не соблюаютъ трехъ перстовъ, пальца и дву послѣднихъ, палецъ имутъ особъ стоящъ вкрай длани, два же перста послѣдняя ко длани приклонена, два же: указательный и великосредній простерта; и крестящеса на главу и чрево два перста полагають, на оба же рама палецъ внѣшнюю страну“ ¹²⁶⁾.

Насколько можно судить по сохранившимся памятникамъ, особенности латинскаго перстосложенія обратили на себя вниманіе грековъ въ XI вѣкѣ. Съ половины этого столѣтія греческіе полемисты иногда начинаютъ ставить латинянамъ на видъ и допускаемыя послѣдними неправильности въ сложеніи перстовъ для знаменія

¹²³⁾ См. прим. 115.

¹²⁴⁾ Т. е. такъ, какъ требовали благословлять папы Левъ IV и Иннокентій III и какъ считали пужнымъ и правильнымъ совершать благословеніе пресвятеръ Гонорій, докторъ Гибертъ и другіе.

¹²⁵⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, можно объяснить возникновеніе въ латинской церкви обычая совершать благословеніе пятью перстами.

¹²⁶⁾ Отв. 9.

крестнаго и благословенія. Дѣлались эти указанія такъ же, какъ и вообще велась греками полемика и съ латинянами, и съ армянами. Позднѣйшіе греческіе полемисты обыкновенно находились подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ предшественниковъ. Они не рѣдко руководствовались ихъ приѣмомъ въ выборѣ предметовъ, достойныхъ обличенія, пользовались ихъ аргументаціей, позволяли себѣ дѣлать и буквальные заимствованія. Характерны тѣ измѣненія, которыя дѣлали при этомъ послѣдующіе писатели полемисты въ рѣчахъ писателей предыдущихъ. Многое такое, что первоначально высказывалось въ видѣ предположеній, съ теченіемъ времени принимало характеръ дѣйствительнаго факта. Многія особенности латинской обрядности, которыя на первыхъ порахъ разсматривались просто какъ странныя по своему внѣшнему виду, или какъ только двусмысленныя по своей идѣѣ, мало по малу переходили въ особенности почти еретическія. Таково было общее направленіе греческой полемики. Такъ въ частности полемизировали греки съ латинянами и по вопросу о перстосложеніи.

Изъ всего того, что было сказано греками по этому вопросу въ періодъ времени до XIII вѣка, въ настоящее время извѣстно слѣдующее:

№ 1. Несправедливо приписываемое патриарху Фотію сочиненіе неизвѣстнаго автора: «Περὶ τῶν Φράγγων καὶ τῶν λοιπῶν Λατίνων»; 16 обвиненіе латинянъ: «Μετὰ τῶν πέντε δαχτύλων πλάγιω; πῶ; κατασφραγίζονται (=se signant) καὶ ὕστερον μετὰ τῆς ἀντίχειρος τῇ ὀφει ἐπισφραγίζουσιν»¹²⁷⁾.

№ 2. Славянскій переводъ этой статьи („О фразѣхъ и о про-

¹²⁷⁾ Hergenroether, Monumenta Graeca., p. 67. По мнѣнію Гергенрөтера, раздѣляемому А. Поповымъ («Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ». Москва, 1875 г., стр. 57) и А. Павловымъ («Критическіе опыты по исторіи древн.-гр.-русской полемики противъ латинянъ». Спб., 1878 г., стр. 42 и слѣд.), статья написана въ концѣ XI в., приблизительно между 1054 и 1100 гг. [Hergen., «Photius Patriarch», t. III, p. 224]. Тотъ же Гергенрөтеръ свидѣтельствуетъ, что настоящій памятникъ много разъ переизмѣнялся внослѣдствіи разными греческими писателями (ibid. p. 175).

чихъ латинахъ“); 16 обвиненіе: „Пятю пьреть страноною (страною) некако благословляють и послѣди палцемъ лице перекрещивають“ ¹²⁸).

№ 3. Посланіе кіевского митрополита (1104—1121) Никифора (грека) къ князю Ярославу Святополчичу; 12 обвиненіе латинянъ: „Крестятся пятю пьреты, и послѣди палцемъ лица своя мажутъ“ ¹²⁹).

№ 4. Сочиненіе Іоанна, митрополита клавдіопольскаго (половины XII в.), объ онрѣсенокахъ; 13 обвиненіе латинянъ: „Καὶ τὸν τίμιον σταυρὸν ἐκ πόων ἐμῖθετε μετὰ τῶν πέντε δακτύλων σήμερον ἐπὶ τοῦ μετώπου, καὶ τηνικαῦτα μετὰ τοῦ ἀντίχειρος ἐπισφραγίσσεται, τὴν τῶν μονοθελήτων αἵρεσιν καὶ τοῦτῳ προσποιοῦμενοι“ ¹³⁰).

№ 5. Передѣланная изъ Керуларіева посланія статья: „Τὰ παρὰ τῶν Φράγγων παρὰ τὴν ὀρθόδοξον πίστιν... εἰσι ταῦτα“; въ славянскомъ переводѣ этой статьи 20 обвиненіе латинянъ: „Честный крестъ пяти перьсты назнаменуютъ на чалехъ, с великимъ же печатлѣють, якоже Моновоелитѣ, иже едину волю на Христѣ глаголють“ ¹³¹).

¹²⁸) По списку «Софійской» (1230-хъ гг.) и «Рязанской» (1284 г.) Кормчихъ, изд. А. Попова («Историко-литер. обзоръ»... стр. 64). Дошедшіе до насъ списки статьи, по всей вѣроятности, не самые древніе («Историко-лит. обзоръ» Попова, стр. 46 и слѣд.). Можно думать, что оригиналомъ для нашей статьи послужила не та редакція греческаго трактата «Περὶ Φράγγων», которая издана Гергенпрѣтеромъ: статья не вполне сходится съ даннымъ греческимъ текстомъ (Поповъ, «Ист.-литер. обзоръ», стр. 58—69). Если это такъ, то въ греческомъ памятникѣ 16 обвин. читалось вѣдь: «Μετὰ τῶν πέντε δακτύλων πλαγίως πῶς κατασφραγίζουσι» (=«благословляють»).

¹²⁹) А. Поповъ, — «Историко-литературный обзоръ»... стр. 114. Первая часть посланія, содержащая перечень латинскихъ заблужденій, составлена на основаніи сочиненія: «Περὶ τῶν Φράγγων καὶ τῶν λοιπῶν Λατίνων» (ibid., стр. 110—111; ср. А. Павлова, — «Критическіе опыты»... стр. 64).

¹³⁰) А. Павловъ, — «Критическіе опыты»... стр. 190. И. Е. Троицкій, — «Изложеніе вѣры церкви архимскія», Спб., 1875 г., стр. 213—214 прим. (сн. с. 183, прим. 4).

¹³¹) А. Павловъ, — «Критическіе опыты», стр. 153; сн. стр. 41. Въ славянскомъ переводѣ другого (предполагаемаго греческаго трактата, переработаннаго изъ посланія Керуларія ж., 18 (по нѣкоторымъ

№ 6. „Index accusationum (Graecorum) contra Latinos“; 32 обвинение: „Quinque digitis oblique et celeriter cruces efformant, et faciem ita consignant“¹³²).

№ 7. „Τὰ αἰτιατά τῆς Λατινῆς Ἐκκλησίᾳς“. Выдержки изъ этого сочиненія, напечатаннаго у Котелерія, нами уже приведены¹³³).

№ 8. Opusculum неизвестнаго грека XII,—то сочиненіе, 16 обвиненіе котораго содержитъ интересующія насъ слова: „Cum igitur debeant disponi digiti in consignationibus“... и т. д.

Всѣ обвиненія, такимъ образомъ, очень похожи одно на другое, особенно если разсматривать ихъ со стороны буквы. Нужно думать, поэтому, что всѣ они представляютъ изъ себя варианты одного первоначальнаго обвиненія. Принимая же во вниманіе самый способъ латинскаго перстосложенія, противъ котораго должны были вооружаться греки¹³⁴), а главное—соображаясь съ общей

спискамъ 17) обвиненіе: «И честный крестъ на образѣхъ своихъ едипѣмъ престоу нацрѣтають, якоже моноелити». А. Поповъ, — «Озоръ», стр. 54; А. Павловъ, — «Критическіе опыты», стр. 41. [Въ рукописи Софійской бібліотеки № 1478, л. 290 об.; Кирило-Вълозерской бібл. № 66—1143, л. 137; бібл. Сиб. дух. академіи, № 52, л. 320 и др.: «Честный крестъ единымъ перстоу на образахъ своихъ начертאותъ, якоже моноелитане, и тако причастницы ихъ ереси обрѣтаются»].

¹³²) Observaciones et Notae in libros Calecae a P. Stevarto. De la Bgune, — «Maxim. Biblioth.», t. XXVI, p. 472. «Index» со стороны числа обвиненій (60) и даже со стороны ихъ расположенія представляетъ близкое сходство съ нижеслѣдующимъ сочиненіемъ. Стевартъ называетъ его: «Tractatus Graecorum» (ibid.; p. 471).

¹³³) Cotelerius, — «Ecclesiae Graecae Monumenta», t. III (Luteciae, 1686) pp. 500. 506—508. По мнѣнію Котелерія, это сочиненіе написано въ концѣ XII—началѣ XIII вѣка (ibid., p. 663—664).

¹³⁴) Осѣняя крестнымъ знаменіемъ другихъ, латинскіе пастыри небрежно складывали персты своей руки и, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія грека, благословляли пятью перстами какъ-то бокомъ (въ томъ, что латиняне совершали благословеніе пятью перстами, греки не видѣли и видѣть не могли ничего страннаго). Ограждая крестомъ себя, латиняне по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей тѣла касались только однимъ большимъ пальцемъ, не соединеннымъ съ указательнымъ и великопсреднимъ, и, такимъ образомъ, крестились какъ-бы однимъ перстоу (ср. свидѣтельство о латинскомъ перстосложеніи греческаго «философа» Никифора Панагіота: «Христ. Чтеніе», 1877 г., I, стр. 718).

схемой ¹³⁵⁾ и некоторыми характерными особенностями рассматриваемых полемических замѣчаній ¹³⁶⁾, можно предполагать, что первоначальное замѣчаніе говорило о перстосложеніи латинянъ: 1) для благословенія и 2) для крестнаго знаменія и имѣло приблизительно такой видъ: „латиняне благословляютъ пятью перстами какъ-то бокомъ, а крестятся однимъ перстомъ“. Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, скоро греческіе полемисты довольно неудачно начали сливать въ одно двѣ различныхъ части обвиненія и притомъ сливать двоякимъ образомъ. Одни изъ нихъ стали говорить исключительно только о совершеніи латинянами крестнаго знаменія: латиняне „знаменуются (*κατασφραγίζονται*) пятью перстами какъ-то бокомъ и потомъ пальцемъ лице свое (*τὴν ὄψιν*) знаменуютъ“ (№ 1); или: латиняне „крестятся пятью персты и послѣди пальцемъ лица своя мажутъ“ (№ 3 ср. также №№ 4, 5, 7). Другіе полемисты повели рѣчь только о латинскомъ благословеніи: латиняне „пятью персть странною нѣкакю благословляютъ и послѣди пальцемъ лице перекрещиваютъ“ (№ 2), — перекрещиваютъ пальцемъ, очевидно, „лице“ благословляемаго ¹³⁷⁾. Или: латиняне „пятью перстами какъ-то благословляютъ и пальцемъ лице знаменуютъ“ (№ 8). Рѣчь опять о благословеніи и только объ немъ одномъ: латиняне благословляютъ какъ-то пятью перстами и (потомъ) пальцемъ.

Думаемъ, что это несомнѣнно: и связь второй части обвиненія (говоримъ о № 8) съ первой, трактующею о благословеніи (*benedicunt*), и указаніе, въ противовѣсъ латинскому заблужденію, одного только „праваго“ обычая, и способъ обозначенія этого обычая (*consignatio*), и, наконецъ, сущность основанія, подтверждаю-

¹³⁵⁾ Всѣ свидѣтельства состоятъ изъ двухъ частей, при чемъ въ первой рѣчь идетъ о пятиперстіи, а во второй (въ большинствѣ случаевъ) объ одноперстіи.

¹³⁶⁾ Въ теперешней редакціи многихъ замѣчаній первая и вторая половины очень плохо вяжутся между собою: латиняне обвиняются нѣрѣдко за то, что они крестятся пятью перстами, и за то, что они же совершаютъ крестное знаменіе однимъ перстомъ...

¹³⁷⁾ Тѣсная связь, въ какую поставлена вторая половина статьи съ первой, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что и здѣсь, во второй части, рѣчь идетъ о благословеніи.

шаго данный обычай (*Christus... benedixit*), — словомъ весь характеръ обвиненія съ необходимостью приводить къ мысли, что неизвѣстный авторъ ведетъ рѣчь только о благословеніи, что онъ, какъ выражается совершенно сторонній въ нашемъ дѣлѣ свидѣтель, Гергенрѣтеръ, *von der Benediction spricht*¹³⁸). А если все это такъ, то слова г. Каптерева, будто „одинъ грекъ XII вѣка обличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ „себя“ (?) подобно моноеедителямъ однимъ перстомъ“, — не точныя слова: грекъ XII вѣка обличаетъ латинское духовенство за то, что оно благословляетъ какъ-то пятью перстами и (потомъ) однимъ пальцемъ. А сообразно съ такимъ своимъ обличеніемъ, неизвѣстный греческій авторъ и въ своей замѣткѣ о „правомъ“ греческомъ обычаѣ ведетъ рѣчь исключительно объ одномъ благословеніи. Его прибавка: *Cum igitur debeant disponi digiti in consignationibus...* имѣетъ такой и только такой смыслъ: латиняне благословляютъ подобно моноеедителямъ, между тѣмъ какъ при святительскомъ осѣненіи персты должны быть располагаемы такъ, чтобы чрезъ нихъ означались два естества во Христѣ и три Лица въ Божествѣ. Какъ совершаютъ крестное знаменіе, какъ крестятся латиняне, и какъ должны складывать персты для осѣненія крестомъ себя православные греки, авторъ сочиненія „*Contra Romanum pontificem*“ не говоритъ ни слова, а потому при рѣшеніи вопроса о молитвенномъ перстосложеніи древнихъ грековъ разсужденія его ни „прямыхъ“, ни косвенныхъ „данныхъ“ представить не могутъ¹³⁹).

Сославшись на слова неизвѣстнаго грека XII в., „прямые данные“ свои г. Каптеревъ продолжаетъ указывать такимъ образомъ. „Мо-
нахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 года (хотя нѣ-

¹³⁸) «*Photius*», t. III, pag. 264, confer 177.

¹³⁹) Нельзя сказать, чтобы слова этого грека могли свидѣтельствовать даже и противъ нашего именословнаго перстосложенія для благословенія. Грекъ совсѣмъ не упоминаетъ о внѣшнемъ видѣ благословляющаго перстосложенія. А то внутреннее знаменованіе его, которое даетъ онъ, нѣкоторые могли усвоить и общеобдержному именословію. (Ср. свидѣтельство о святительскомъ благословеніи Германа, патріарха константинопольскаго).

которые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе¹⁴⁰⁾, говоритъ, что въ крестномъ знаменіи „два перста убо и единая рука являютъ распята Господа нашего Іисуса Христа во двои естеству и единомъ составѣ познаваема“. Но болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія въ крестномъ знаменіи принадлежитъ несторіанскому митрополиту Иліѣ Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка“...., который говоритъ, что мелхиты (т. е. несомнѣнно, православные греки) изображаютъ крестъ двумя перстами¹⁴¹⁾. И то и другое свидѣтельство, послѣднее съ такимъ именно пониманіемъ его, на которомъ такъ настаиваетъ г. Каптеревъ (мелхиты — православные греки), давно извѣстны и давно оцѣнены¹⁴²⁾. Оба, указываемые г. Каптеревымъ, писателя упоминаютъ о двуперстіи, которое употребляли православные сирійцы, православные, жившіе среди моноезитовъ моноезитянъ; а потому свидѣтельства ихъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ свидѣтельства, говорящіе объ обычаяхъ церкви константинопольской.

Силу подобнаго соображенія сознаетъ и самъ г. Каптеревъ, почему и пытается выдвинуть „такой фактъ“, который будто бы „ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе (конечно, всеобдержное существованіе) двуперстія въ самой константинопольской церкви вначалѣ XI столѣтія“. Этотъ фактъ заключается въ слѣдующемъ. Ассеманъ, словами яковитскаго писателя Ваг-хебгаусъ'а, рассказываетъ, что въ 1029 году яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ былъ вызванъ византійскимъ императоромъ въ Константинополь. Здѣсь собрался соборъ съ цѣлью обратить яковитянъ въ православіе; но они оставались непреклонными. Тогда снова устроили собраніе и когда послѣ долгаго спора

¹⁴⁰⁾ Думающіе и утверждающіе это, важѣтимъ отъ себя, думаютъ и утверждаютъ это ошибочно. См. «Отвѣты преосвящ. Никифора, архіеп. славенскаго и херсонскаго», стр. 103—105 (изд. 1813 г.); «Братское Слово» 1876 г. кн. III, отд. 3, стр. 183—190, 195—199. Ср. Т. И. Филиппова, — «Современные церковные вопросы», Спб. 1882 г., стр. 448—455.

¹⁴¹⁾ Стр. 76—80.

¹⁴²⁾ «Чтеніе Общ. Исторіи и Древност.» 1847 г., № 7, стр. 31—33. «Братское Слово», 1875 г., кн. I, отд. 2, стр. 33—35; и др.

не могли склонить яковитянъ къ своему мнѣнію, „потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не принимали едеа въ евхаристіи и крестились не однимъ перстомъ, а двумя... Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, желая обратить въ православіе яковитскаго патріарха Іоанна VІІІ и его спутниковъ, торжественно потребовалъ отъ нихъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, но двумя. Ясное дѣло, что въ началѣ XI вѣка какъ самъ константинопольскій патріархъ, такъ и другіе греческіе іерархи въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно-православнымъ перстосложеніемъ; вопреки монофизитскому одноперстію“¹⁴³).

Не будемъ много говорить о сомнительной подлинности даннаго свидѣтельства. Замѣтимъ только, что относится къ нему слишкомъ довѣрчиво едва ли возможно. Событіе, о которомъ рассказываетъ яковитскій писатель Григорій Ваг-хебгаеус (онъ же Abulpharagius), имѣло мѣсто въ 1029 г. (отъ Р. Хр.¹⁴⁴), а Григорій жилъ въ концѣ XIII в.¹⁴⁵). Откуда онъ заимствововалъ свѣдѣнія о константинопольскомъ соборѣ? Велась ли въ самомъ дѣлѣ на этомъ „соборѣ“ рѣчь о перстосложеніи? Если велась, то дѣйствительно-ли греки настаивали на двуперстіи? Не приписываетъ ли Ваг-хебгаеус собору такого требованія, которое ему приходилось слышать отъ своихъ сосѣдей, грековъ Арменіи и Сиріи?¹⁴⁶).

Допустимъ, впрочемъ, что все то, что находитъ въ хроникѣ Ваг-хебгаеус'а, подлинно. Предупредительная любезность специалистовъ оріентологии позволила намъ ознакомиться съ сирскимъ текстомъ разсказа Ваг-хебгаеус'а. Говоря о томъ „знаменованіи“, котораго требовали греки отъ яковитянъ, Ваг-хебгаеус употребляетъ слово „sor“. Слово это соответствуетъ латинскимъ figurate

¹⁴³) Стр. 80—82.

¹⁴⁴) По лѣтоисчисленію яковитянъ это былъ 1340 г. (Assemanus, «Bibliotheca orientalis... t. II, Romae, 1721, pag. 353).

¹⁴⁵) Ibid. p. 248 et sequ.

¹⁴⁶) Подробности объ этомъ см. въ «Всѣхъ» пр. Никанора «О перстосложеніи», стр. 190—194. Ср. «Братское Слово» 1889 г., т. II, стр. 588—602.

и *formare* (отъ глагола „*sor*“ существительное „*sûrto*“ — *figura, forma*). Въ сирской библии оно встрѣчается, напр., въ Галат. III, 1, (*msor sir*“), гдѣ соответствуетъ греческому глаголу „*προεῳφῆ*“ (—*depictus fuerat* — предначертанъ былъ; буквально съ сирскаго: „что Онъ изображая изображенъ быхъ“...) и Галат. IV, 19 (*„nett sir“*), гдѣ представляетъ переводъ слова „*μορφωθῆναι*“ (—*formetur* — изобразится). Слова *Bar-hebraeus*'а, такимъ образомъ, должны быть переведены именно такъ, какъ и перевелъ ихъ Ассеманъ: греки настаивали на томъ, чтобы яковитяне „изображали крестъ не однимъ перстомъ, но двумя (*neve cruce unice digito, sed duobus formarent*)“¹⁴⁷⁾. Но если таково было требованіе грековъ, то еще вопросъ, о чемъ именно шла рѣчь въ данномъ случаѣ, — говорили ли греки объ извѣстномъ перстосложеніи для крестнаго знаменія, или же они упоминали о перстосложеніи для благословенія. Полная умѣстность подобнаго вопроса станетъ еще болѣе очевидной, если мы обратимъ вниманіе на терминологию сирскихъ писателей, трактующихъ о священническомъ благословеніи. Діонисій *Bar Salibi*, изъясняя литургію и останавливаясь на осѣненіи священникомъ св. Даровъ, пользуется глаголомъ „*gesan*“ („*Sic sacerdos corpus et sanguinem cruce signat*“¹⁴⁸⁾), глаголомъ, который находимъ въ Римл. VIII, 29; „*προφῆσε σωμαφόρου*“ (— представи сообразныхъ быти...), и который, слѣдовательно, переводить тоже греческое слово, что и глаголъ „*sor*“ (Галат. IV, 19). Іаковъ эдесскій много разсуждаетъ о благословеніи священникомъ евхаристической жертвы, народа и особенно діаконовъ, при чемъ одинъ разъ употребляетъ слово „*g'san*“ и до шести разъ такой неопредѣленный глаголъ, какъ глаголъ „*bad*“, имѣющій значеніе: „совершать“, „дѣлать“ (—*facere*)¹⁴⁹⁾. Итакъ, нѣтъ никакихъ основаній непремѣнно принимать тотъ переводъ

¹⁴⁷⁾ «*Bibliotheca orient.*», t. II, pag. 356. Издатели Хроники *Bar-hebraeus*'а *Ioannes Baptista et Thomas Iosephus* данное мѣсто переводятъ словами: «*et ne cruce signetis uno digito, sed duobus*». Т. I. (Lovanii, 1872), col. 428.

¹⁴⁸⁾ *Asserianus*, *ibid.* p. 205.

¹⁴⁹⁾ *Asserianus*, *Bibl. orient.* t. I (Romae, 1719) p. 484—485.

разказа Bar-hebraeus'a, который выставяетъ г. Каптеревъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, будто яковитскій патріархъ говорить: греки требовали отъ яковитянъ, чтобы они „крестились“ не однимъ перстомъ, но двумя. Очень возможно, что греки вели рѣчь о перстосложеніи не молитвенномъ, но благословляющемъ.

Предположимъ даже, что патріархъ Абдонъ слышалъ отъ грековъ рѣчь о перстосложеніи для крестнаго знаменія.

Комментируя разсказъ Bar-hebraeus'a, г. Каптеревъ не разъ повторяетъ: константинопольскій патріархъ вмѣстѣ съ другими греческими епископами торжественно на соборѣ требовалъ отъ яковитянъ, чтобы они крестились двумя перстами ¹⁵⁰⁾. Какъ видно, г. Каптеревъ хочетъ особенно отбѣнить то положеніе, что требованіе креститься двумя перстами исходило отъ церкви константинопольской. Но положеніе это болѣе чѣмъ сомнительно. Вотъ характерныя подробности повѣствованія Bar-hebraeus'a ¹⁵¹⁾. Яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ (Mar Ioannes Bar Abdun) обвиняется предъ византійскимъ императоромъ въ томъ, что онъ совращаетъ грековъ въ свою ересь. Обвинителемъ является Никифоръ, православный митрополитъ Мелитины (въ Малой Арменіи ¹⁵²⁾), „condiscipulus imperatoris“. Императоръ шлетъ посланіе „ad Khugsuburgium iudicem“, въ которое предписываетъ отправить Абдона въ Византію. Въ это время Никифоръ мелитинскій распространяетъ въ народѣ неблагопріятныя для яковитянъ вѣсти, а когда эти послѣдніе являются въ Константинополь, онъ отправляетъ предъ ними глашатая, который объявляетъ всѣмъ, что яковитяне — отступники отъ правой вѣры. Абдонъ и яковитскіе епископы предстали предъ патріархомъ „халкидонцевъ“ (т. е. чтителей халкидонскаго собора). Но Никифоръ убѣждаетъ послѣдняго не вступать съ ними въ изслѣдованія о вѣрѣ. Когда, на требованіе грековъ исповѣдывать два естества во Христѣ, Абдонъ замѣтилъ, что яковитяне ни въ чемъ не измѣнили исповѣданія своихъ отцовъ,

¹⁵⁰⁾ Стр. 82, 84, 85.

¹⁵¹⁾ Gregorii Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum, ediderunt Ioannes Baptista Abbeloos et Thomas Iosephus Lamy. t. I, col. 424—430.

¹⁵²⁾ Le Quien, Oriens christianus, t. II (Parisiis, 1740), pag. 1452.

всталъ мелитинскій митрополитъ и, сказавъ: „ты отвергаешь исповѣданіе императора“, ударилъ Абдона въ щеку... Яковитянъ отвели въ монастырь. „Потомъ, устроивши другое собраніе, призывали (advocarunt)¹⁵³) патріарха (константинопольскаго) и епископовъ (греческихъ) и посадили предъ ними патріарха (Абдона) и Элію симнадійскаго; когда же послѣ долгихъ убѣжденій увидѣли, что эти не уступаютъ, сказали: только не примѣшивайте елея въ освящаемую частицу и не изображайте креста однимъ пальцемъ, но двумя“. Яковитянъ снова отправили въ заточеніе. Никифоръ мелитинскій успѣлъ убѣдить нѣкоторыхъ изъ яковитянъ отказаться отъ своего ученія и дать „сhilogarthum“, каковой онъ и отнесъ императору, говоря: если только будешь имѣть терпѣніе и не слишкомъ скоро возвратишь ихъ обратно, всѣ они согласятся съ нами...

Не ясно ли, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всемъ настоящемъ событіи былъ „condiscipulus imperatoris“, мелитинскій митрополитъ Никифоръ? Не очевидно ли, что требованіе, которое поставилъ греческій „соборъ“ яковитянамъ, было редактировано не кѣмъ инымъ, а именно „мелитинцемъ“? А если это такъ, то свидѣтельствуетъ ли это требованіе о взглядахъ церкви константинопольской? Правда, оно высказано было въ присутствіи константинопольскаго патріарха. Но почему же не допустить, что и данный патріархъ не протестовалъ противъ него потому, что, подобно патріарху Пансію, не считалъ своего перстосложенія единственно правильнымъ, — потому, что не видѣлъ въ двуперстіи „ничего предосудительнаго, или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ?...“

Сдѣлаемъ еще уступку. Допустимъ, что „на соборъ“ 1029 г. константинопольскіе греки требовали отъ яковитянъ, чтобы они крестились двумя перстами. „Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви“, говоритъ г. Кантеревъ, „естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенно важное значеніе двоеперстію, какъ ви-

¹⁵³) У Ассемана: arcessentes = заставивши прийти... Biblioth. orient. t. II, p. 356.

димому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви¹⁵⁴). Правда ли это? Не совѣмъ. Случай, который описываетъ Bag-hebraeus, несомнѣнно, — случай единственный въ своемъ родѣ.

И до половины X вѣка, когда отношенія грековъ къ армянамъ были исполнены миролюбія и умѣренности, и во второй половинѣ X, и въ XI вѣкѣ, когда эти отношенія сдѣлались гораздо суше и враждебнѣе, при переговорахъ о соединеніи греческой и армянской церкви никогда не заводили рѣчь о перстосложеніи. Главное требованіе, которое обыкновенно повторялось во все это время представителями греческой церкви при сношеніяхъ съ армянскою, какъ *conditio, sine qua non* соединенія, — было требованіе признать халкидонскій соборъ вмѣстѣ съ каноническимъ посланіемъ Льва I и принять ученіе о двойствѣ естествъ, воли и дѣйствій во Христѣ. Къ этому основному требованію прибавлялись иногда и нѣкоторыя другія требованія, но ни въ одномъ случаѣ не присоединялось такое условіе, которое было высказано въ 1029 г.¹⁵⁵). А если это такъ, то разсужденіе г. Каптерева не представляетъ ли изъ себя обобщеніе одного частнаго факта, обобщеніе не только произвольное, но и положительно несправедливое? Въ 1029 году константинопольскій „соборъ“ выставилъ яковитянамъ требованіе креститься двумя перстами. Это такъ. Но какими же образомъ, исходя изъ этого единичнаго, экстраординарнаго случая, мы можемъ утверждать, будто константинопольская церковь въ борьбѣ съ монофизитствомъ вообще „придавала особенно важное значеніе двуперстію“, — какими образомъ мы можемъ утверждать это, когда притомъ положительно знаемъ, что ничего подобнаго не было?

Пусть, впрочемъ, греки вообще требовали отъ яковитянъ, чтобы послѣдніе совершали крестное знаменіе двумя перстами. Но значить ли это, что греки и сами крестились двуперстно? Значить ли это, что они и вообще „правыми и обязательными для

¹⁵⁴) Стр. 84. Ср. стр. 82, 85.

¹⁵⁵) И. Е. Троицкій, — «Изложеніе вѣры церкви армянскія», стр. 221—244.

православныхъ“ перстосложеніемъ считали двуперстіе? Почему нельзя думать и утверждать, что константинопольскіе греки рекомендовали яковитянамъ такое перстосложеніе, которое употребляли не сами константинопольцы, а православные сосѣди яковитянъ, жители Арменіи? Почему нельзя предполагать, что константинопольская церковь обращала вниманіе армянъ на то православное перстосложеніе, которое было распространено въ Арменіи и которое, дѣйствительно, являлось „видимымъ и понятнымъ для всѣхъ знакомъ принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви“, а не къ общинѣ яковитской?

1. Каптеревъ пишетъ: въ 1029 году греки въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе; но менѣе чѣмъ за 50 лѣтъ до этого русскіе приняли христіанство отъ грековъ; „понятно, что просвѣтителі русскіхъ христіанствомъ, греки прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ внѣшній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству; понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскіхъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ это время“, т. е. научили молиться двуперстно¹⁵⁶). Греки, по словамъ г. Каптерева, употребляли двуперстіе потому, что смотрѣли на него, какъ на понятный для всѣхъ знакъ принадлежности извѣстнаго лица не къ монофизитству. То обстоятельство, почему двуперстіе держалось въ константинопольской церкви, объясняется „борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами“. „Троеперстіе, эта самая естественная для христіанина форма перстосложенія“¹⁵⁷), не могло сдѣлаться въ греческой церкви „всеобщимъ господствующимъ обычаемъ“ исключительно только благодаря борьбѣ съ монофизитствомъ. И вотъ, научая русскіхъ крестному знаменію, „какъ внѣшнему, видимому для всѣхъ знаку ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству“, греки необходимо передаютъ новопросвѣщеннымъ двуперстіе, видимый знакъ принадлежности христіанина не къ монофизитству. Про-

¹⁵⁶) Стр. 85—86.

¹⁵⁷) Стр. 84. 89 примѣч.

свѣщая Русь евангельскимъ свѣтомъ, наставляя ее въ основныхъ догматахъ христіанства, догматахъ тринитности и единосущія, константинопольская церковь, пренебрегая „болѣе естественнымъ и свойственнымъ всякому христіанину“ троеперстіемъ, навязываетъ Россіи символъ антимонофизитства, навязываетъ видимый знакъ удаленія отъ такой ереси, о которой Русь не имѣла и представленія, съ которой она „вовсе не соприкасалась“... ¹⁵⁸⁾ „Вотъ когда и откуда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!“ Да, „появилось“, если дѣло происходило такъ, какъ рассказывается г. Каптеревъ...

Собранныя г. Каптеревымъ свидѣтельства, всё вообще и каждое порознь, рѣшительно не въ силахъ подкрѣпить его взгляда. То безспорно, что въ первое время христіанства существовалъ обычай творить крестное знаменіе однимъ перстомъ. Безспорно и то, что въ древнія же времена, когда одни изъ православныхъ крестились тремя перстами (свидѣтельства Кирилла іерусалимскаго и Ефрема Сиріана), нѣкоторые, подъ вліяніемъ борьбы съ монофизитствомъ, стали знаменоваться двумя перстами. Несомнѣнно и то, что и въ послѣдующіе вѣка въ Сиріи и Арменіи, гдѣ монофизитство дѣйствовало съ особою силою, продолжало существовать двуперстіе. Но выше сомнѣнія и то, что тамъ, гдѣ монофизитство мало занимало собою умы людей, напр., въ церкви константинопольской, господствовало древнее троеперстіе, за которымъ оставалось то великое преимущество, что оно для всѣхъ выражало одинъ изъ самыхъ важныхъ, можно сказать важнѣйшій догматъ христіанства — догматъ тринитности и единства Божества. Изъ церкви константинопольской троеперстіе перешло и въ наше отечество, при просвѣщеніи его христіанствомъ, перешло, какъ „внѣшній, видимый для всѣхъ знакъ обращенія и принадлежности къ христіанству“. Прошли вѣка. Трудно сказать, когда и какъ, быть можетъ изъ Сиріи чрезъ посредство іерусалимскихъ паломниковъ, въ Россію проникъ обычай молиться и двуперстно. Новое заносное

¹⁵⁸⁾ Стр. 89, примѣч.

миѣніе вступило въ борьбу съ стариннѣ, изначальнымъ обрядомъ. Послышались рѣчи: „аще кто не крестится двумя перстами, якоже и Христосъ, да есть проклятъ“. Раздались и отвѣтные голоса: „аще кто не крестится тремя перстами, да будетъ проклятъ“. Какой-то грамотѣй, желая примирить спорившихъ, выпустилъ въ свѣтъ подложное „*Θεοδωριτω*“ слово, въ которомъ доказывалъ, что крестное знаменіе нужно совершать и *тремя* и *двумя* перстами вмѣстѣ, что нужно молиться *троеперстно*—*двуперстно*. Нашлись книжники, которые наклонили „*Θεοδωριτω*“ писаніе въ другую сторону, которые передѣляли его въ томъ смыслѣ, что креститься нужно *двуперстно*—*троеперстно*,—*двумя* и *тремя* перстами вмѣстѣ. Новый подлогъ получилъ довольно широкое распространеніе въ нашей письменности. Начали появляться статейки, проповѣдывавшія оригинальное, русское, двоеперстно-троеперстное сложеніе,—такое сложеніе, которое, не говоря уже о Греціи (Сиріи и Арменіи), и у насъ, въ Россіи, было совсѣмъ неизвѣстно до появленія такъ называемой *Даніиловской*, искаженной редакціи „*Θεοδωριτω*“ слова¹⁵⁹). Статьи эти изъ московской Руси проникли и въ южнорусскую письменность, а отчасти и въ письменность сербскую. Какъ-то плохо только авторы этихъ статейъ справлялись на первыхъ порахъ съ нѣкоторыми не несущественными деталями своего ученія. Говоря о двухъ перстахъ, они то требовали имѣть ихъ наклоненными, то повелѣвали держать ихъ простертыми, то вели рѣчь, наконецъ, о наклоненіи одного указательнаго пальца. Такъ, „*Θεοδωριτω*“ слово „*Даніиловской*“ редакціи, узаконяя двуперстіе, учитъ „два перста имѣти наклонена, а не простерта“. Стоглавый соборъ говоритъ о томъ, что нужно простереть два перста и только указательный „мало нагнуть“ при этомъ. „Сказаніе Максима грека“ говоритъ исключительно лишь о „протяженіи“ двухъ перстовъ. Последнее ученіе вмѣстѣ съ „Сказаніемъ Максима“ распространяется въ южнорусской и отчасти сербской ли-

¹⁵⁹) На первыхъ порахъ у насъ, въ Россіи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда упоминается о двуперстіи, имѣется въ виду двуперстіе въ собственномъ смыслѣ, два и только два перста (а не всѣ пять).

тературѣ и изъ Южной Руси снова возвращается въ Русь московскую, гдѣ принимается издателями книги о Вѣрѣ и Малаго Батихизиса. И только лишь издатели Псалтири 1641 года выдвигаютъ „опредѣленное выраженіе“ двуперстія, то выраженіе, которое и принимается нашими раскольниками.

Вотъ безпристрастный отвѣтъ на вопросъ, откуда и какъ взялось то перстосложеніе, которое проповѣдуютъ книжные справщики временъ патріарха Іосифа. Отвѣтъ этотъ не блещетъ новизною ¹⁶⁰⁾. Нѣтъ въ немъ и эффектной „широты“ воззрѣній. Но за то онъ и свободенъ отъ того, чѣмъ такъ сильно страдаетъ изслѣдованіе г. Каптерева: свободенъ отъ натяжекъ, произвольныхъ обобщеній, преувеличеній и т. п. Онъ свободенъ отъ того, на что такъ мѣтко, хотя, конечно, и невзначай, указалъ Швецовъ, сказавъ, что профессоръ Каптеревъ „широко проводитъ историческую черту о существованіи въ древней церкви двоеперстія“ ¹⁶¹⁾. Да, широко проводитъ г. Каптеревъ свое мнѣніе. Жаль только, что онъ расширяетъ нерасширимое, расширяетъ ту небольшую *черту*, какую давали ему бывшія у него подъ руками „нѣкоторыя положительныя данныя“.

Иванъ Никифоровскій.

¹⁶⁰⁾ См. статью пр. Филарета, еп. рижскаго, въ «Чтеніи Общества Исторіи и Древн.» 1847 г. № 7. Мы надѣемся со временемъ представить, на основаніи рукописныхъ данныхъ петербургскихъ книгохранилищъ, подробную исторію перстосложенія въ московской Руси. Тогда уяснится и подтвердится все то, что теперь о московской Руси сказали мы мимоходомъ.

¹⁶¹⁾ «Показаніе», стр. 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки